Секретный террор СТАЛИНА

Исповедь резидента

ГЕОРГИЙ АГАБЕКОВ

Георгий Сергеевич Агабеков
Секретный террор Сталина. Исповедь резидента
Серия «Я – секретный агент Сталина»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698828
Георгий Агабеков Секретный террор Сталина. Исповедь резидента:
Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-67629-3

Аннотация

«ОГПУ постарается расправиться со мной при удобном случае. Поживем – увидим…» – так завершил свои воспоминания Георгий Агабеков, высокопоставленный советский разведчик, который в 1930 году сбежал на Запад (как он утверждал, по политическим мотивам, а на самом деле из-за женщины) и в своих скандальных книгах раскрыл агентурную сеть Сталина на Ближнем Востоке и в Европе, пролив свет на самые грязные тайны СССР, будь то вторжение в Афганистан в 1929 году, перехват британской дипломатической почты в Персии, секретные операции в Стамбуле, Сирии, Палестине и Европе, высылка Троцкого или расправа над Блюмкиным. Кроме того, Агабеков предложил свои услуги спецслужбам Англии, Бельгии, Франции, Германии, Голландии, Болгарии и Румынии. Несколько

лет советские агенты охотились за предателем по всей Европе, пока, наконец, не ликвидировали его в 1937 году – по одной версии, «растерзали» и сбросили в пропасть на границе Испании, по другой – зарезали в Париже, вывезли труп в чемодане и утопили в море. Тело перебежчика так и не было найдено. После него осталась лишь эта книга – сенсационная исповедь беглого резидента, раскрывающая всю подноготную советской разведки и самые опасные секреты Сталина.

Содержание

ОГПУ в системе кремлевской власти 5
Коммунисты в ЧК 38
Проверка чекистов 47
Агентурное дело «Люся» 54
Суд и расправа в ЧК 64
Командировка в Тюмень 73
В Восточном отделе ВЧК 79
Сонька незолотая ручка 91
Убийство Энвер-Паши 106
Служба в контрразведке 127
ОГПУ и контрабандисты 136
Работа в партаппарате 147
Конец ознакомительного фрагмента. 149

Георгий Агабеков
Секретный террор Сталина. Исповедь резидента

ОГПУ в системе кремлевской власти (Вместо предисловия)

В середине прошлого года я открыто порвал с ОГПУ, где работал в течение десяти лет беспрерывно. Не будучи уверен, что останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно в Москве, я составил записки о деятельности ОГПУ во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием наш секретный аппарат за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех наших агентов во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои «записки» достигли поставленной цели. Часть агентуры ОГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ОГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: «Разоблаченный агент теряет всякую ценность». В аппарате иностранного отдела в Москве вождям ОГПУ также пришлось произвести массовые пертурбации. Разоблаченные мной резиденты уже не могли быть использованы для заграничной работы. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ОГПУ боялись, что, вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом, иностранный отдел ОГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, в течение какового времени сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет, и Москва приступила к подготовке новых резидентов, которые должны были начать плести новую шпионскую сеть по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ОГПУ, – это комплектование его работников и методы работы чекистов за границей. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их

узнает, встретив на своем жизненном пути.

Центр ОГПУ (Объединенного государственного политического управления) находится в Москве, на Лубянской площади. Он занимает весь квадрат между Большой и Малой Лубянкой и тянется по Большой Лубянке вплоть до гостиницы «Селект» на Сретенке, содержащейся на средства ОГПУ для уловления приезжих иностранцев. Иностранные гости, останавливаясь там, подвергаются тщательной слежке, а их багаж тайно обыскивается в их отсутствие; руководящий персонал гостиницы является агентами ОГПУ. Дома в переулках Варсонофьевском и Милютинском заняты под общежития-коммуны для сотрудников, и фактически вся территория между Лубянкой и Сретенкой находится в распоряжении ОГПУ.

В этом учреждении к настоящему времени работает около 2500 человек. Из них около 1500 являются членами коммунистической партии. Остальные – частью комсомольцы, частью беспартийные. Беспартийные, как правило, занимают низшие должности: это – машинистки, делопроизводители и пр.

ОГПУ разделено на отделы: контрразведывательный (КРО), иностранный (ИНО), секретный (СО), особый (00), специальный (СПЕКО), экономическое управление (ЭКУ), информационный отдел (ИНФО), оперативный отдел, восточный отдел (ВО), отдел пограничной охраны (ПО) и административно-организационное управление. Кроме того,

имеются вспомогательные части: хозяйственная часть, комендатура, фельдъегерский корпус, кооператив, клуб, типография и тюрьма.

Во главе всего учреждения стоит председатель ОГПУ – Менжинский, достаточно известный по своей прежней деятельности. Будучи высокоразвитым и образованным человеком, он, однако, не пользуется достаточным авторитетом в Центральном Комитете партии и в Политбюро (верховное руководство Центральным Комитетом). Менжинский сильно болен, редко вмешивается в дела внутреннего управления ОГПУ и ограничивает свою деятельность тем, что представительствует это учреждение в Центральном Комитете партии.

Менжинский имеет двух заместителей. Первый из них – Ягода – фактически управляет всем учреждением.

Ягода, человек властолюбивого характера, обладает сильной волей и готов на все ради достижения намеченной цели. Насколько Менжинский благовоспитан и образован, настолько Ягода груб и некультурен. Держится он на своем посту благодаря угодливости перед членами Политбюро и ЦК и благодаря искусству интриги – оружию, которым он владеет в совершенстве. Он своевременно учитывает возможности конкурентов и принимает меры к их уничтожению. Так, например, видя во втором заместителе председателя ОГПУ, Трилиссере, опасного противника, он добился через Центральный Комитет партии его снятия с работы.

Для приведения в исполнение своих целей Ягода окружил себя хотя и бездарной, но преданной публикой, которая за его подачки и поддержку готова делать и делает все, что он захочет. Одним из таких прихлебателей является его секретарь Шанин, уголовная личность, с явно садистскими наклонностями. Этот Шанин устраивает частенько для Ягоды оргии с вином и женщинами, на которые Ягода большой охотник. Девочки на эти вечера вербуются из комсомольской среды.

Все отделы ОГПУ, за исключением иностранного, пограничного и специального, объединяются в секретно-оперативное управление, начальником которого состоит тот же Ягода.

Иностранный отдел и пограничный подчиняются второму заместителю председателя. Специальный отдел во главе с начальником Бокием подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии.

Все начальники отделов, оба заместителя и председатель составляют коллегию ОГПУ, которая собирается раз в неделю для обсуждения и решения очередных дел.

Чем занимается каждый из отделов? Контрразведывательный отдел ведет работу внутри СССР по борьбе с иностранным шпионажем и с контрреволюционными выступлениями в среде гражданского населения. Этот отдел обслуживает также все иностранные миссии в СССР, ведя разведку и добывая информацию и документы в этих миссиях. Отдел

имеет широкую внутреннюю агентуру. Все управляющие гостиницами, заведующие кино и театрами состоят его агентами. Контрразведывательный отдел, или, как он сокращенно называется, КРО, имеет агентуру во всех советских учреждениях и ежедневно получает от своих агентов сведения о происходящем в этих учреждениях. Он же поставляет мелких служащих: горничных, шоферов и т. п. – для иностранных миссий и через них получает разного рода сведения, вербуя в то же время в агентуру других служащих иностранных миссий. Начальником КРО является Ольский. Это человек лет под тридцать пять, молодой, энергичный, преданный сторонник Ягоды. Ольский сумел подобрать соответствующих людей в свой аппарат, и работа отдела считается удовлетворительной. Отдел разделен на несколько отделений, обслуживающих каждое свою отрасль. Так, например, первое отделение ведет исключительно наблюдение за гостиницами, театрами, ресторанами. Оно же вскрывает перехваченную корреспонденцию, главным образом дипломатическую почту иностранных посольств и миссий, тем или иным путем попавшую в руки ОГПУ.

Второе и третье отделения занимаются работой по борьбе со шпионажем Прибалтийских стран; третье отделение, например, заманило в Россию Савинкова. Четвертое отделение борется со шпионажем восточных стран, пятое отделение – с англо-американским шпионажем и т. д.

Секретный отдел (СО) ведет работу по борьбе с враждеб-

ными коммунизму политическими партиями, с течениями внутри коммунистической партии, и, наконец, он же борется с религией и ведет работу по ее разложению. Агентура отдела охватывает все слои населения, и главным образом духовенство.

Работа по духовенству поручена шестому отделению СО, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той и с другой стороны. Шестое отделение помещается рядом с иностранным отделом, и мне часто приходилось видеть у дверей Тучкова священников, ожидающих с ним беседы.

Секретный отдел, как и все другие, разбит на отделения со строго определенными функциями. Начальник отдела Дерибас, старый член партии, интересуется больше делами партийных группировок, на разоблачении которых надеется нажить себе капитал перед Центральным Комитетом и получить в награду пост второго заместителя председателя ОГПУ. Это его давнишняя мечта. Она заставляла его все время блокироваться с Ягодой против Трилиссера, чтобы, спихнув последнего, занять его место. Благодаря такой личной занятости начальника, отдел работает сравнительно неважно, если не считать энергичной деятельности Тучкова по разложению духовенства.

Экономическое управление (ЭКУ) ведет работу среди промышленных, торговых и финансовых учреждений СССР

по выявлению экономических злоупотреблений, причин невыполнения планов и борется с экономическим шпионажем в СССР. Начальник отдела – Прокофьев, человек образованный и энергичный. Раньше Прокофьев был помощником Трилиссера по иностранному отделу, но Трилиссер постарался от него избавиться, боясь, что со свойственной ему энергией Прокофьев столкнет его самого с места.

Информационный отдел (ИНФО) следит за настроениями во всех слоях общества и содержит колоссальный штат секретных осведомителей. Этот же отдел выполняет роль цензуры над литературными и театральными произведениями и перлюстрирует корреспонденцию, обращающуюся внутри СССР. Начальником отдела является Алексеев, бывший анархист, перешедший в коммунистическую партию, кажется, в 1920 году.

Алексеев работает не за страх, а за совесть, но все-таки не пользуется большим доверием у президиума ОГПУ. При нем всегда, в качестве заместителя, имеется один из надежнейших партийцев. Таковым «наблюдателем» в настоящее время состоит некто Запорожец, испытанный чекист, бывший помощником Трилиссера по иностранному отделу и ушедший вследствие несогласия с осторожной политикой Трилиссера. Этот Запорожец славился тем, что во время петлюровщины сумел проникнуть к Петлюре и состоял одно время его личным адъютантом.

Особый отдел (ОО) ведает наблюдением за армией и фло-

том. Через военных комиссаров и политруков, обязанных информировать отдел, ОГПУ всегда находится в курсе настроений армии. 00 наблюдает также за снабжением армии продовольствием и амуницией и следит за правильностью охраны военных складов. Начальником отдела является сам Ягода, но фактически управляет им Ольский, начальник КРО.

Восточный отдел (ВО) ведет работу в восточных национальных республиках и среди восточных национальных группировок. Номинально им управляет Петерс, фактически же работой руководит некто Дьяков. Петерс же, как известно, является членом Центральной контрольной комиссии и ей отдает все свое время.

Петерс – фигура морально окончательно разложившаяся. Женщины и личная жизнь интересуют его больше, чем все остальное. Еще будучи полномочным представителем ОГПУ, он, разъезжая по окраинам, всегда имел при себе в вагоне двух-трех личных секретарш, которых, по мере ненадобности, высаживал из поезда по пути следования. Так, например, в бытность мою резидентом ОГПУ в Бухаре в 1922 году Петерс приезжал с двумя девицами и, высадив их в Бухаре, предложил мне устроить их куда-нибудь. Его заместителем по восточному отделу в 1929 году был некто Петросян, бывший председатель грузинской Чека, расстрелявший председателя крымского ЦИКа Ибрагимова для того, чтобы жениться на его жене. Когда об этом узнал Центральный

Комитет, то Петросяна уволили без права работы в органах ОГПУ. Он потом жаловался мне, что Петерс, его начальник и друг, делал много худшие вещи, и тому это сходило с рук, а вот когда он сделал маленький проступок, то негодяй Петерс не встал на его защиту.

Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану же их несут войска ОГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для той или иной цели в работе.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919–1920

годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человечью кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово.

Пограничный отдел (ПО) управляет войсками особого назначения ОГПУ, всеми пограничными войсками и ведет борьбу с контрабандой. Все таможни обязаны иметь тесный контакт с ПО и фактически подчиняются ему. Начальник отдела Вележев был прежде помощником Трилиссера по иностранному отделу. Это идейно убежденный коммунист, хотя в партии состоит только с 1920 года. В 1924 году его послали под фамилией Ведерникова в Бизерту на приемку от Франции флота Врангеля, затем под этой же фамилией он ездил в Китай и был там одним из руководителей китайской революции и организатором работы ОГПУ.

Начальником иностранного отдела (ИНО) и вторым заместителем председателя ОГПУ был до недавнего времени Трилиссер. Ныне его сменил Мессинг, бывший до того полномочным представителем ОГПУ в Ленинграде. ИНО обслуживает исключительно заграницу. При каждом полпредстве и крупном консульстве он имеет своего полуофициального представителя, которому иногда придаются помощники. Эти представители, или резиденты ОГПУ, занимают,

главным образом, должности второго секретаря или атташе при полпредстве, но иногда устраиваются в торгпредствах и в других хозяйственных учреждениях за границей.

Работа иностранного отдела заключается в освещении политического и экономического положения иностранных государств, в добыче всевозможных документов, имеющих ценность для советского правительства, в выявлении отправляемых в СССР разведчиков других стран, освещении жизни эмиграции, разложении эмигрантских организаций и пр. и пр. Этот отдел, кроме самостоятельных заданий, обязан выполнять и задания других отделов ОГПУ, поскольку дело касается заграницы. Кроме того, на обязанности его лежит освещение работы советских дипломатических и хозяйственных учреждений.

Иностранный отдел, кроме указанных официальных представителей, имеет в тех же странах свою «нелегальную агентуру», работающую под вымышленными фамилиями и фальшивыми паспортами. Эти секретные – «нелегальные» – резиденты пользуются особыми правами и доверием. Главная их задача заключается в том, чтобы прочно обосноваться в данной стране, завести связи и укрепить положение настолько, чтобы можно было продолжать дело даже в случае военного столкновения и высылки официальных представителей. Посылки «нелегальных» резидентов начались года два назад, когда анализ внешних событий показал неизбежность будущей войны. С тех пор нелегальные резиденты обосно-

вались в Персии, Афганистане, Турции, Ираке и западных странах. Посылаемые таким порядком представители ОГПУ не должны поддерживать связи с официальными советскими представительствами за границей.

На остальных отделах останавливаться не стоит, ибо они играют подсобную роль, за исключением оперативного отдела, ведающего агентурой для наружного наблюдения. Обыкновенно, для наружного наблюдения за тем или другим лицом, заинтересованный отдел обращается в оперативный отдел, который и принимает на себя выполнение задачи. Оперативному отделу подчиняется комендантская часть. Комендантская часть производит аресты, обыски и расстреливает приговоренных в специальных подвалах, находящихся под зданиями ОГПУ. Эти подвалы расположены во внутренней тюрьме и усиленно охраняются красноармейцами из войск особого назначения. Даже во внутренний двор тюрьмы никому из сотрудников не разрешается входить без прямой надобности и специального разрешения. Только из некоторых окон здания можно на Лубянке видеть маленький двор и окна камер, закрытые щитами от посторонних глаз. За все мое пребывание в ОГПУ я не видел, чтобы арестованных выводили на прогулку.

Отделы ОГПУ разбиты на отделения. Как общее правило, не только один отдел не должен знать работы другого, но даже отделения одного и того же отдела не смеют посвящать друг друга в свою деятельность.

ОГПУ имеет полномочные представительства во всех национальных республиках и крупных центрах СССР. Эти представительства организованы по типу Москвы, только в меньшем масштабе. Вместо отделов там имеются отделения – филиалы московских отделов. Полномочные представительства, подчиняющиеся Москве, имеют в свою очередь филиалы в губернских, окружных и уездных центрах, являющиеся еще меньшей их моделью.

Я нарочно остановился на организации ОГПУ, чтобы читатель мог видеть всю структуру этого аппарата, так как без этого он не может себе представить всей колоссальной машины, законспирированной от остальных учреждений советской власти и конспирирующейся внутри самой себя. Из этой организационной схемы читатель видит, что каждый отдел имеет свою самостоятельную сеть секретных агентов. Ему легко будет теперь поверить, что общее число секретных агентов в одной только Москве превышает десять тысяч человек. Через них ОГПУ контролирует не только деловую жизнь всех учреждений и предприятий, но и частную жизнь каждого чем-нибудь выдающегося гражданина, не говоря уже об иностранцах, которые находятся под особенно тщательным наблюдением.

Помимо всего описанного нужно помнить, что в помощь ОГПУ приданы милиция и органы уголовного розыска и что, по завету Ленина – «каждый коммунист должен быть

чекистом». Каждый коммунист, каждый комсомолец, наконец, каждый «сознательный» гражданин СССР, узнав или услышав что-нибудь идущее вразрез с интересами советского правительства, обязан сообщить об этом органам. Таких добровольцев-осведомителей сотни тысяч в СССР; но они считают нужным помогать ОГПУ или находиться с этим учреждением в хороших отношениях, потому что только тогда они могут рассчитывать на относительно спокойную и обеспеченную жизнь. Таким образом, зерна, посеянные Дзержинским, выросли в повсеместный шпионаж: сын доносит на отца и сестра на брата.

ОГПУ по своей работе связано со всеми учреждениями в СССР и во всех учреждениях пользуется более или менее сильным влиянием.

ОГПУ только формально подчиняется Совнаркому, а фактически – Политбюро ЦК. Оно беспрекословно выполняет все директивы, получаемые от руководителей ЦК партии. Если при жизни Дзержинского ОГПУ иногда пускалось в обсуждение того или иного вопроса или постановления ЦК, то после его смерти оно получило при ЦК партии чисто исполнительные функции и не смеет рассуждать. Это можно видеть на многочисленных политических примерах и на частных примерах Бажанова и Беседовского, которых ОГПУ хотело ликвидировать и не сумело настоять на своем: Политбюро запретило. Перемена объясняется разницей в личном авторитете Дзержинского и Менжинского. В то время

как первый сам был членом Политбюро и играл там крупную роль, последний едва прошел на последнем съезде в члены ЦК. Отсутствие личного авторитета несколько снизило авторитет и всего ОГПУ по отношению к другим наркоматам, руководителями которых являются более крупные фигуры, чем Менжинский.

Когда после смерти Дзержинского в 1926 году обсуждалась кандидатура на пост председателя ОГПУ, Политбюро долго колебалось и одно время даже думало поручить руководство ОГПУ Орджоникидзе или Микояну. Их имена выдвигались ввиду малой известности Менжинского и его недостаточного авторитета в партийной среде. Однако, учитывая ропот среди сотрудников ОГПУ, которые, заслышав об этих кандидатурах, чуть не открыто говорили о национал-шовинистических тенденциях Орджоникидзе и о беспросветной глупости Микояна, Политбюро утвердило безликую кандидатуру Менжинского. С тех пор орган диктатуры пролетариата стал послушным орудием в руках Политбюро и его руководителя Сталина. Весь мир мог в этом убедиться на примерах расправы с троцкистами и правой оппозицией.

Между ОГПУ и Наркоминделом всегда шла жестокая борьба за влияние в Политбюро. Несмотря на то что внешними сношениями СССР заведует Наркоминдел, Центральный Комитет информируется по вопросам внешней политики также и ОГПУ. Почти всегда сведения и заключения этих

двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой. Так, например, по вопросу о восстании в Афганистане в 1929 году Наркоминдел стоял за поддержку Аманулы и его сторонников, а ОГПУ высказывалось в пользу Бачаи-Сакао, выдвинутого народными массами. В этих разногласиях корень антагонизма между руководителями обоих учреждений, и антагонизм передается по всей линии ОГПУ и Наркоминдела до самых низов. Наиболее ярым врагом ОГПУ является замнаркоминдела Литвинов. Он органически ненавидит ОГПУ, однако другой заместитель наркома, Карахан, имеющий личные счеты с Литвиновым, не гнушается иногда заигрывать с ОГПУ.

Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границу и продолжается за границей между полпредом или консулом и представителями ОГПУ.

Обыкновенно при назначении того или иного сотрудника за границу вопрос должен решаться в специальной комиссии ОГПУ, собирающейся раз в неделю. Комиссию возглавляет начальник иностранного отдела, а чаще кто-нибудь из его помощников. В состав ее входят представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командирует сотрудника. Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ОГПУ анкета ходит по всем его отделам и отделениям, о данном лице наводятся справки в архивах и по картотеке. Достаточно, чтобы его фамилия фигурировала в каком-нибудь

донесении агентов ОГПУ, даже без всякого повода, как комиссия отказывает ему в визе и предлагает заменить его другим. Решающее слово в комиссии принадлежит представителю ОГПУ.

Как заносятся подозреваемые лица на картотеку, можно судить по тому, что в начале 1929 года, когда решили проверить и обновить картотеку, в ней нашли личные карточки… Бриана, Вильсона, Ллойд-Джорджа и других «крамольников». На картотеку заносятся часто только фамилии или только имена, так что почти невозможно установить тождество лица. Поэтому достаточно бывает просителю визы на въезд или выезд иметь похожую фамилию или имя, чтобы он получил отказ. В этих случаях не только он, но зачастую и само ОГПУ не знает, в чем он, собственно говоря, обвиняется. Случается, что когда задерживается лицо, имеющее крупную протекцию, и ОГПУ получает запрос о причине его невыпуска за границу, то оно не может выдвинуть никакого мотива отказа. Попав впросак, оно нехотя выдает разрешение. Помню, летом 1929 года поступило множество анкет от американских и английских туристов. Многим из них ОГПУ отказало. Центральный Комитет, по требованию Наркоминдела, предложил ОГПУ отменить постановление. Оказалось, что органы ОГПУ не могли выдвинуть никаких конкретных обвинений против «отказываемых», а ЦК партии нуждался в долларах туристов.

Особенно часто ОГПУ задерживает сотрудников Нарко-

миндела. Наркоминдел отвечает тем же при назначении сотрудников ОГПУ за границу через аппарат Наркоминдела. Но Наркоминдел поступает благоразумнее и старается найти какой-нибудь благовидный предлог если не для отказа, то, в крайнем случае, для оттяжки, ссылается на неимение штатов, на несоответствие назначаемого и т. п.

Так, например, было со мной.

В 1927 году ОГПУ выдвинуло меня на должность резидента в Анкару, с зачислением на официальную должность атташе посольства. Наркоминдел ответил, что должен запросить согласие полпреда в Турции, Сурица. Спустя две недели пришел ответ: Суриц согласен. Тогда спохватились, что по штатам Анкары нет должности атташе и что таковую необходимо специально учредить на одном из ближайших заседаний коллегии НКИД. Наконец, спустя еще три недели, должность по штату была учреждена, а еще через неделю Наркоминдел сообщил, что все готово, однако находит, что меня, как армянина, посылать в Анкару неудобно, хотя официально, по паспорту, я должен был ехать как еврей, под чужой фамилией.

Борьба за границей между полпредом или консулом и представителем ОГПУ выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности представителей ОГПУ. Этот представитель, или, как он иначе называется, резидент, формально подчинен полпреду по должности секретаря или

делопроизводителя, но на самом деле, благодаря возложенным на него специальным задачам и полной бесконтрольности сообщений с Москвой, авторитет его выше и страх перед ним совслужащих за границей сильней страха перед самим полпредом. Полпред, сам чувствуя над собой постоянный контроль и всегда ожидая какой-нибудь пакости со стороны резидента, естественно, старается себя застраховать и первый нападает на него, полагая, что нападение есть лучший способ защиты. Для этого используется формальное подчинение резидента. Начинается склока, раскалывающая полпредство и очень часто все остальные совучреждения в стране на враждебные лагери. Драка углубляется и разрастается, пока кого-нибудь из лидеров не отзовут в Москву; оставшийся другой лидер высылает затем всех сторонников своего врага. Приезжает новый на место высланного, борьба обновляется, вчерашний победитель терпит поражение, начинается высылка новой группы, и так без конца. Этим, и главным образом этим, объясняется столь частая смена сотрудников заграничных учреждений, стоящая колоссальных средств государству, ибо при переездах выдаются большие суточные, подъемные, проездные и т. д.

Яркий пример такой склоки дало в 1927–1928 гг. полпредство СССР в Тегеране, где тамошний посол Юренев, столкнувшийся с торгпредом Гольдбергом, выжил его и всю его группу, а затем, после отъезда Юренева, были выброшены из Тегерана и все сторонники Гольдберга.

Подобные же склоки происходили в Афганистане, в Мешеде, Тавризе, Пехлеви. На них я потом остановлюсь подробнее.

Отношения ОГПУ с Наркомторгом, при назначении сотрудников, приблизительно таковы же, как и с Наркоминделом, но ввиду малой сопротивляемости представителей Наркомторга трений между ними бывает меньше. До 1927 года ОГПУ использовало аппарат Наркомторга за границей не только для легального прикрытия своих агентов, но и для финансирования и снабжения секретных агентур товарным фондом, лицензиями и прочим.

Так, например, агентура Мешеда, добывавшая английскую почту, снабжалась мануфактурой для открытия магазина, который должен был служить прикрытием нашему агенту. Мешедское купечество за доставку сведений в ОГПУ снабжалось лицензиями Наркомторга, что подрывало монополию внешней торговли и вызывало недовольство среди честного персидского купечества. Тегеранская агентура снабжалась сахаром и нефтепродуктами для лавок, открытых для камуфлирования агентов. В связи с колоссальными убытками от таких операций Центральный Комитет партии воспретил наконец ОГПУ иметь торговые сношения с Наркомторгом. ОГПУ ныне довольствуется использованием торгового аппарата для переброски сотрудников за границу, да и то на вторые роли. Работники Наркомторга не имеют дипломатических паспортов и потому меньше гарантированы

от провалов, чем сотрудники полпредств. С другой стороны, советская власть опасается компрометировать свои хозучреждения за границей после налета на Аркос.

Резидент ОГПУ за границей собирает экономический материал по указаниям из Москвы, но обязан выполнять и иногда выполняет задания полпреда и торгпреда по добыче нужных им документов, договоров конкурирующих фирм и т. п. В таких случаях торгпредство берет все расходы на себя. Обыкновенно же весь информационный материал направляется в иностранный отдел ОГПУ в Москву, где его перерабатывают и рассылают затем в копиях по заинтересованным инстанциям.

Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу за границей по обследованию контрреволюционных и оппозиционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократии и IV Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенно-

сти в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, за границей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна за границей, пошли по линии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации.

Шумиха, поднятая в связи с знаменитым «письмом Зиновьева», непрекращающаяся дискуссия в европейской печати по вопросу о единоличии советской власти и Коминтерна и риск предательства и провокации среди завербованной из местных коммунистов агентуры заставили ОГПУ в 1927 году дать категорическое распоряжение своим представителям ни в коем случае не связываться с представителями Коминтерна и с местными партийными организациями. Такого рода распоряжения получили одновременно представители Наркоминдела, Наркомторга и Разведывательного управления за границей.

Распоряжение это, однако, не всегда и не всеми выполня-

лось. В Москве же отношения остались старыми. Так же, как и раньше, из всех поступающих материалов выделяются интересующие Коминтерн вопросы и отсылаются тому же Пятницкому. Связь еще более окрепла с тех пор, как Коминтерн в Москве сумел организовать (в течение последних двух лет) превосходно поставленное «паспортное бюро», то есть отдел по фабрикации фальшивых паспортов. ОГПУ, имеющее такое же собственное бюро, часто обращается за помощью по снабжению своих сотрудников фальшивыми иностранными паспортами в бюро Коминтерна.

Разведывательное управление является Четвертым управлением штаба РККА. Начальником его состоит Берзин. Это управление ведет военную разведку за границей через военных атташе при посольствах. Кроме того, управление имеет нелегальную агентуру, независимую от аппаратов военных атташе. Для снабжения ее иностранными паспортами и разными удостоверениями Разведупр прибегает к помощи паспортного бюро Коминтерна. Как и представители ОГПУ, военные атташе и нелегальные агенты Разведупра не имеют теперь права связываться с местными компартиями и использовать их для своей работы.

Отношения между Разведупром и ОГПУ в Москве чисто официальные. Они заключаются в обмене информационным материалом. В отношениях существует некоторая натянутость: ОГПУ никогда не упускает случая заняться чисто военным шпионажем и часто конкурирует с Разведупром.

Считая, что оно может выполнять эту работу лучше, ОГПУ время от времени поднимает перед ЦК партии вопрос о ликвидации Разведупра и передаче его функций и бюджета в ОГПУ. Однако Центральный Комитет предпочитает сохранять оба органа отдельно. Это дает ему возможность взаимно их контролировать.

За границей связь и сотрудничество между резидентом ОГПУ и военным атташе зависит от личных взаимоотношений. Однако чересчур тесная дружба Москвой не одобряется, так как резиденты могут спеться, и Москва будет лишена возможности их контролировать. В этом я убедился на собственном опыте, когда, получив назначение в Афганистан, я спросил свое начальство, каковы должны быть мои отношения с военным атташе, и выслушал ответ: «Никаких отношений, наблюдайте за ним…»

Говоря об отношениях иностранного отдела ОГПУ с другими организациями, необходимо упомянуть о связи его с собственными отделениями на местах.

В то время как Москва посылает представителей в иностранные столицы для освещения общих вопросов, приграничные отделения ОГПУ имеют право посылать своих агентов в ближайшие пограничные районы для освещения вопросов местного значения. Эти агенты должны подчиняться московскому представителю и вести работу в точно указанном районе. Однако поскольку нет точной разграниченности, очень часто эти агенты проникают глубоко в страну и

иногда, чувствуя свое превосходство над московским представителем, стараются взять инициативу в свои руки, приобрести самостоятельность и расширить сферу своей деятельности. Эти попытки всегда вызывали в Москве твердый отпор, однако местные отделы все-таки кое-чего добились. Так, например, Ташкентское ГПУ самостоятельно работает в Западном Китае, Северном Афганистане и Восточной Персии. Владивосток ведет работу в районе Харбина, Одесса работает в Бессарабии, но больше всех добилось кавказское Чека, захватившее в сферу своей работы Западную и Северную Персию, всю Азиатскую Турцию и имеющее своего почти независимого представителя при константинопольской резидентуре ОГПУ.

Местные отделы ОГПУ стараются использовать для посылки агентов советские консульства, но большей частью довольствуются торговыми учреждениями. Так, например, Кавказ использует аппарат Наркоминдела (резидент ОГПУ в Тавризе сидит в консульстве), закавказского торгового представительства и Нефтесиндиката для посылки агентов в Персию и Турцию. Ташкент использует для работы в Персии и Афганистане аппараты «Бюроперса», Нефтесиндиката и «Афганского торгового общества».

Но, повторю, несмотря на раздвоенность в работе, местные работники подчиняются представителю Москвы, посылают ему копии донесений и получают от него деньги за ра-

боту. Работники Разведупра, наоборот, работают каждый в отдельности и посылают свои донесения непосредственно в Москву, не обмениваясь друг с другом информацией.

Бюджет ОГПУ трудно исчислить. Помимо правительственных ассигнований, оно имеет огромные приходы от контрабанды, захватываемой на границах, от собственного колоссального хозяйства: жилых домов (в этих домах живут его сотрудники, бывшие и настоящие, платящие за квартиры и комнаты, между прочим, дороже, чем жильцы всех других советских домов), кооперативов, типографий и прочего.

Если бы даже я мог произвести точный учет этому бюджету, то не думаю, чтобы он представлял собой большой интерес. Я хочу остановиться только на бюджете иностранного отдела, который может дать некоторое представление о размерах и размахе работы ОГПУ за границей.

Нужно сказать, что бюджет иностранного отдела формируется в долларах и из года в год сокращается в связи с острой нуждой в валюте. Так, например, в то время как на 1928–1929 годы было отпущено три миллиона долларов, уже в январе 1929 года, то есть когда не истек еще бюджетный год, средства были сокращены сперва на десять, а затем к концу года на целых тридцать процентов. На 1929–1930 годы было отпущено один миллион пятьсот тысяч долларов, то есть только половина прошлогоднего бюджета. Лозунг экономии проводится и здесь. Как составляется бюджет иностранного отдела. Перед началом октября отдел запрашива-

ет смету у всех резидентов. На основании этих смет, расчетов с Наркоминделом и возможности непредвиденных расходов составляется смета всего отдела и вносится в Политбюро. Бюджет иностранного отдела ОГПУ, как секретный, утверждается не Народным комиссариатом финансов, а Политбюро.

Получает деньги отдел от правительства каждые три месяца. Несмотря на то что при составлении бюджета запрашиваются резиденты на местах, однако при утверждении местных смет НАЧИНО исходит не из представленных требований, а из необходимости в работе: иногда отпускают во много раз больше представленной сметы, а иной раз сократят наполовину.

Это зависит от успешности работы резидента. Так, например, в начале 1927 года я, будучи в Персии, имел ежемесячную смету в две с половиной тысячи долларов, а к концу того же года смета была увеличена до пяти тысяч. Берлинская резидентура ОГПУ имела в 1928 году пятнадцать тысяч долларов ежемесячной сметы, а в 1929 году эта смета была снижена до семи тысяч.

Резиденты обязаны ежемесячно посылать в Москву отчет об израсходованных суммах, и если в течение трех месяцев расход составляет меньше, чем отпущенные по смете суммы, то смета соответственно сокращается, если же затем, в связи с развитием работы, резиденту необходимы дополнительные средства, он должен представить мотивированное объясне-

ние. Очень часто резиденты, чтобы избежать сокращений, тратят или, по крайней мере, показывают, что тратят больше, чем на самом деле следует. На каждый произведенный расход должен иметься оправдательный документ, а если такового по тем или иным причинам нет, то справка самого резидента с указанием, на что израсходованы суммы.

Отчеты резидентов поступают вместе с общей почтой в соответствующие отделения и, по рассмотрении и утверждении, направляются к заведующему финансовой частью иностранного отдела.

Финансовая часть иностранного отдела совершенно обособлена от финансового отдела ОГПУ. Заведует ею некто Ключарев, молодой парень, лет тридцати, ведающий этой работой уже в течение шести лет. До того он работал в Лондоне вместе с Розенгольцем, но разругался с послом, приехал в Москву и не пожелал больше состоять в коммунистической партии, несмотря на многократные увещевания партячейки. Однако он пользуется полным доверием как партии, так и ОГПУ.

Деньги резидентам посылаются в долларах через Наркоминдел, почтой или телеграфно. В первом случае в особо запечатанном конверте на имя резидента, во втором – Наркоминдел телеграммой просит полпреда выдать соответствующую сумму резиденту, которую ОГПУ внесло в кассу Наркоминдела в Москве.

ОГПУ держит связь со своей заграничной агентурой через дипломатических курьеров Наркоминдела. Каждый резидент ОГПУ за границей имеет кличку. Так, например, берлинский резидент Гольдштейн имеет кличку Александр, константинопольский резидент Наумов – Бур и т. д.

Соответствующее отделение в Москве заготовляет письмо с инструкциями для резидента на простой бумаге и нумерует ее. В последнее время, после налета китайцев на Пекинское полпредство, запрещено начинать письма словами: «Уважаемый товарищ». Ставится только номер.

Инструкция подписывается соответствующим помощником начальника ИНО, причем подписью также служит условный псевдоним. Письмо запечатывается в конверт, на конверте ставится кличка резидента и пометка: «Никому другому не вскрывать, вскрыть только адресату». Этот конверт вкладывается в другой, на котором пишется адрес того полпреда или консула, куда письмо направляется, и в таком виде почта сдается в Наркоминдел. Печать на внутреннем конверте ставится условная, часто какая-нибудь печать царского времени, а на наружном конверте накладываются печати Наркоминдела. Кличка резидента известна полпреду или консулу, и тот по получении письма, не вскрывая, передает его по назначению.

Таким же способом посылаются письма нелегальным резидентам, с той лишь разницей, что внутри резидентского конверта помещается еще один конверт для нелегального,

кличку которого не должен знать даже полпред; ее знает только один легальный резидент ОГПУ, который и направляет письмо адресату через имеющуюся у него секретную связь.

Почта в Москву идет обратно таким же порядком.

Резидент, подписавшись кличкой, запечатывает все имеющиеся материалы в конверт без адреса, но с указанием: «Вскрыть только адресату». На конверт ставится резидентская условная печать, он вкладывается в другой конверт, запечатанный полпредской печатью, и адресуется в Москву в «Историко-научное общество, Трипольскому», что означает заглавные буквы подлинного адреса: иностранный отдел, Трилиссеру. Получающая в Москве почту дипкурьерская часть Наркоминдела знает, чьи это письма, и сообщает об их получении в ОГПУ. Оттуда приходит сотрудница и уносит почту.

За последние два года эта связь перестала удовлетворять ОГПУ: во-первых, Наркоминдел все время боится изобличения и компрометации своего учреждения и настаивает на изменении системы связи, а во-вторых, опыт афганских и китайских событий показал, что связь через Наркоминдел не прочна, и в случае разрыва дипломатических отношений или других причин связь с резидентами часто обрывается, то есть разведка не достигает основной своей цели – сохранения ее на время военных действий. Эта мысль, собственно, и натолкнула на идею организации нелегальных резиден-

тур ОГПУ параллельно с легальными, и она же поставила на очередь вопрос о новых способах связи с ними.

В этом направлении проведены следующие реформы: константинопольская резидентура, помимо дипкурьерской связи, поддерживает связь с Москвой через советские пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем, на которых разъезжает специальный агент ОГПУ по связи. Через советские же пароходы поддерживается связь с нашими агентами в Геджасе и Йемене.

На этом я заканчиваю описание организационной структуры ОГПУ, его сил, средств и перехожу к личным воспоминаниям.

Я буду писать, главным образом, о работе, которую проделал сам или которой руководил, и буду ссылаться только на факты, которые мне достоверно известны. Обвинять меня в преувеличении не придется, ибо, когда пишешь о себе, неудобно выставлять себя и свою работу на первый план. Поэтому, вероятно, скорее всего будут обвинять в преуменьшении. Однако мне легко будет опровергнуть и это обвинение, ибо, во-первых, как я упоминал, мне не могло быть все известно, так как каждый сотрудник ОГПУ знает только порученное ему дело, а во-вторых, я был за последние шесть лет почти все время за границей и не мог знать многого того, что я слышал бы, если бы находился в Москве. Я ставлю своей задачей объективную передачу фактов, участником и непосредственным свидетелем которых

я был. Заинтересованные державы могут свободно их проверить.

Париж, 1930 г.

Автор

Коммунисты в ЧК

«Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России – теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт – фронт трудовой: для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и Гражданской войны…» – монотонно, по складам читал политрук передовицу екатеринбургской газеты «Уральский рабочий» сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты – политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (внутренней службы). Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, двадцатичетырехлетний военком батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть окоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной

печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубахе с разносной книгой в руке.

– Вам срочный пакет из губкома, товарищ комиссар, распишитесь, – обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет.

«Члену РКП (б) тов. А…

С получением сего предлагается Вам немедленно явиться в губком партии РКП (б) к заведующему учраспредом тов…», – пробежал я письмо.

«Зачем это я понадобился в губкоме? Наверно, опять поручат сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже – руководить субботником», – подумал я, пряча письмо в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм, и я решил сходить туда до конца занятий и узнать, в чем дело. Через десять минут я уже был в губкоме, дождавшись своей очереди, подошел к заведующему учраспредом и протянул ему письмо.

– А! Товарищ А… по постановлению губкома вы назначены в распоряжение губчека, где срочно требуются сотрудники-коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую вам завтра же с утра явиться в распоряжение губчека, – сказал заведующий и вслед за этим повернулся и начал говорить со следующим посетителем.

Я медленно отошел от него и, выйдя из губкома, направился в казарму. Занятия шли к концу, но они меня уже пе-

рестали интересовать. Я даже забыл о предстоящем горячем кипятке. Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о которой я так много слышал как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции, ЧК, о которой все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,
В губчека попадешь, не воротишься…

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. Затем мелькнула мысль: «А что я там буду делать? Ведь я же, в сущности, только старый солдат и ничего, кроме войны, не знаю. Может быть, мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь их там, говорят, расстреливают десятками каждую ночь. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу военкома батальона? А впрочем, завтра увидим!»

К 9 часам следующего утра я уже подходил к зданию губчека, которое помещалось на Пушкинской улице в доме № 7. Это было небольшое двухэтажное деревянное здание, с большим подвалом для арестованных, со двором и с конюшней в конце двора, где производились расстрелы выводимых из подвала. Председателем Чека и одновременно председателем особого отдела 3-й армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос. Об этом недале-

ком человеке, жестоком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были – начальник секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего этажа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице.

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только Штальберг работает следователем по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной контрольной комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата.

У входа в здание губчека меня остановил часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и шашкой.

– Пропуск, товарищ! – спрашивает часовой у меня.

– У меня еще нет пропуска, я только что назначен в Чека, – отвечаю я неуверенным голосом.

– Третья парадная налево, в комендатуру. Там спроси пропуск, – указывает мне часовой.

Подхожу к комендатуре. Дверь наверх и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. «Это, наверное, и есть тот самый подвал губчека», – думаю я и, отвернувшись, быстро вхожу в комендатуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высунувшаяся рука возвратила мне бумагу и пропуск.

– Второй этаж, комната восемь, к товарищу Корякову, – дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к основному зданию. Часовой, осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой, уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий коридор, освещенный электрической лампочкой. По бокам коридора двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. «Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией», – читаю я на двери. Значит, сюда. «Входи», – слышу голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более пяти квадратных метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, ка-

кой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет двадцати шести с папахой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и кольт, висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

– В чем дело, товарищ? – спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать.

Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, он внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

– Пойди сюда! Смотри! – подозвал он меня. – Видишь того буржуя в черной шубе? – спросил он.

Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному тротуару.

– Вижу, – ответил я.

– Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до двенадцати часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях, – приказал он.

– Да, но я командирован… – начал было я.

– Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказываю, товарищ! – скомандовал он.

Я подумал, что, пока я буду спорить, человек на улице уй-

дет и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился вниз.

– Стой, товарищ! Пропуск! – остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

– Проходи!

И я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал его на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротником. Он шел спокойными шагами, не обращая на меня никакого внимания. Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где, как правило, сыщики следили за своими жертвами незаметно для них, и также, чтобы не быть замеченным своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел на противоположную сторону улицы. Так мы шли минут десять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре, разговаривающим с другими посетителями, которые, обращаясь к нему, называли его «товарищ заведующий». Итак, это был заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу, и, вероятно, он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и

больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4 часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к председателю домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Покончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего «буржуя». Он, видимо, был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же как проклятый ждал его до 12 часов ночи на морозе не евши. В полночь я, окоченевший, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в губчека в комнате № 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, надетом на русскую рубаху.

– А, здорово, товарищ! Ну, как дела? – обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке:

– Вот, товарищ Коряков, губком прислал нам нового работника. Парень ничего, шустрый.

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Ознакомившись с моими бу-

магами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

– Вот, товарищ А… заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите, – сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать:

«Я… сотрудник Екатеринбургской губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и ее органов. Обязуюсь сообщать о всем слышанном и замеченном, могущем принести вред советской власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания – расстрелу».

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и подписку. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на которой старательно вывел: «Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова». И так же аккуратно, открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в ЧК. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить.

Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница! Ведь Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом.

Проверка чекистов

Я был назначен сотрудником для связи с агентурой при уполномоченном по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. Моим начальником был Коряков, простой полуграмотный крестьянин Пермской губернии. Он был честным человеком, относился к делу добросовестно, и поэтому улов контрреволюционеров был у него не обильный. По этой причине начальство было им недовольно. Проработал я там до января 1921 года и, как военный, был затем переведен в особый отдел 3-й армии помощником начальника агентуры.

Случай, о котором хочу рассказать, произошел со мной месяц спустя, после того как я приступил к новой работе. Благодаря моей сравнительно с другими грамотности, мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван уполномоченным Коряковым.

– Вот, товарищ А… Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочок бумаги с адресом одного лица, живущего здесь в Екатеринбурге, и пароль «Сибирь близка Уралу». На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы

решили послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить, в чем дело. Вы не побоитесь принять эту задачу на себя? – спросил он.

– Нет, конечно, – ответил я, – но я бы хотел знать больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасть впросак.

– Других данных, кроме того, что я сказал, нет. Да! При нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. Кстати, имеете ли вы револьвер[9]

– Да, наган всегда при мне, – ответил я.

– Так и прекрасно, товарищ! Вот вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

– Здесь живет гражданин П.? – спросил я.

– Да. Пожалуйста, входите, – любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. «Странно, – подумал я, – зачем у контррево-

люционера висит Маркс? Наверно, чтобы лучше себя замаскировать», – ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно посмотрел на меня. Я, также ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бумаги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

– А, наконец-то вы приехали. А мы вас ждали раньше. Что так задержались? – спросил он, держа в руках пароль.

– Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят, – ответил я.

– Да, да! Ну, ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе, – предложил он, надевая шубу.

Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидал, что он перекладывает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что, если он угадал, что я не тот, за кого себя выдаю? Что, если он меня пристрелит здесь на окраине города, и концы в воду…

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройтись к чернеющему недалеко лесочку.

– Нет, уединяться опаснее, – возразил я, – лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.

А сам думал: «На главных улицах он не посмеет стрелять».

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу. На

ходу он задавал вопросы о состоянии «нашей организации» в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать. В свою очередь я начал расспрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

– О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати, – продолжал он, – вы приготовили тезисы вашего доклада на съезде?

– Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее, – ответил я, а сам подумал: «Однако дело серьезное; собирается какой-то съезд».

– Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером при новой встрече, – предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. П. поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения, и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

– Прекрасно, продолжайте, – сказал Коряков, потирая руки. – Я заготовлю тезисы к завтрашнему дню, и вы их передадите ему.

В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше

времени.

Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условленный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем прекрасно сшитая, кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне:

– Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в девять часов вечера быть у городского театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти автомобиль, который остановится около вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: «Светло», на что он ответит: «Но холодно». Тогда спокойно садитесь в машину и вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше.

«Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно», – решил я и, несмотря на поздний час, направился прямо в губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому начальнику секретно-оперативной части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

– Войдите! – ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под сорок, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженая голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в губчека.

– В чем дело, товарищ? – обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контрреволюционеров.

– Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову, и он примет меры, – сказал он и, поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

– Подожди! – окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик. – Хочешь выпить? – спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом.

Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил долгое время, кроме того, в этот день я был голоден. Спирт ударил

мне в голову; я зашатался.

– Что, слаб ты, я вижу, по этой части? – сказал Хромцов, ухмыляясь. – На, закуси, пройдет.

И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе также хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контрреволюционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с приготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты № 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая, в чем дело, я обвел взглядом комнату, и – о ужас! – за столом напротив Корякова сидел мой таинственный «организатор съезда» и усмехался.

– Вот, познакомься, – продолжая смеяться, обратился ко мне Коряков. – Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь ли, мы просто организовали всю эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышишь. А теперь давай примемся взаправду за работу по борьбе с контрреволюцией.

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

Агентурное дело «Люся»

На окраине города Екатеринбурга большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими же древними и крепкими, как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а оставшиеся несколько старушек переселились в маленький флигелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров, и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то что рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном из монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были, главным образом, мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья,

как эти старые маленькие комнатки, служившие, видимо, кельями прежним обитательницам.

В этом же флигеле жила молодая девушка Люся с маленьким братом. Потерявшая во время Гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я, видимо, также был для нее небезразличным, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала 3/4 фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме, и часто сидел в задумчивости.

– Что ты все думаешь? – как-то спросила Люся в один из таких моментов.

– Да так, дела, – ответил я уклончиво.

– Я вообще замечаю, что ты в последнее время что-то

много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи, в чем дело? – продолжала она.

– Ах, что говорить! Все равно ведь не сможешь помочь!

– А может быть, и смогу. Я ведь не такая уж дура. Говори, в чем дело. Заговор какой-нибудь, что ли? – спросила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

– Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых или красных?

– Как тебе сказать, – задумчиво ответила она, – к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой.

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более – чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее в информаторы ЧК.

– Скажи, верно ли я угадала, что ты подготавливаешь восстание? Я ведь тоже могу помочь в этом деле, – продолжала она.

– А чем ты могла бы помочь? – задал я вопрос.

– А что нужно! Я же не знаю. Скажи, что нужно делать? – приставала она.

– Ну, что бывает нужно для восстания? – уже равнодушно говорю я. – Конечно, люди, деньги и оружие.

– Я могу помочь тебе людьми, – вдруг выпалила она.

– Как, какими людьми? – в тревоге спросил я.

– Видишь ли, – начала она, – здесь, в лесах, сейчас скрывается очень много красноармейцев-дезертиров. Это в большинстве крестьяне из окрестных деревень. Их мобилизовали в армию и хотели отправить на Польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! Если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их так же возненавидел, как я, – продолжала она. – Их сейчас в лесу около полусотни человек. Они хотят подобрать еще столько же, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается, тут у меня под боком организовывается банда для борьбы с советской властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может быть, даже я ее люблю. Что делать?

– Ну, что же ты молчишь? – оборвала Люся мои мысли. – Хочешь, я познакомлю тебя с ними?

– Подожди, посмотри, нужно подумать, – ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко – километра два. Холодный, ледяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел и, не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Доложить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе ли это испытание со стороны ЧК! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и, раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но, если потребуется, и самого себя. Ведь на то я и коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

– Товарищ Коряков, у меня к вам важное дело, – сказал я, подсаживаясь к нему. И я пересказал ему мой разговор с Люсей во всех подробностях.

– Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к двенадцати часам, чтобы я успел доложить Хромцову.

Я написал рапорт и, подписав его, вложил в папку, на которой большими буквами вывел: «Агентурное дело, дезертиры, кличка Люся».

Коряков вернулся улыбающийся и довольный.

– Тебе придется разрабатывать это дело дальше. Пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет ли у них связи с контрреволюционными партиями, – приказал Коряков, возвращая дело.

– Слушаю, – ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам наводил ее на разговор о дезертирах.

– Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними, – предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крестьянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки да обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом, пьем морковный чай без сахара и

беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне. Решили бороться с большевиками.

– Вот только плохо с оружием, – говорит один. – У нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может быть, вы поможете достать оружие? – спросил он меня.

Я ответил, что оружие, может быть, я сумею добыть из воинской части, где я служу.

– Но я боюсь, что у вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст, – добавил я.

– Да что вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам и увидите сами, что за ребята, – пригласили они.

И мы тут же условились, что в следующее воскресенье они опять придут сюда за продуктами и поведут меня в лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока наконец свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли, наверное, около двух верст в глубь ле-

са. Внезапно из темноты раздался голос:

– Кто идет?

– Свои, братишка, – разом ответили мои спутники. Из-за дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести – и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный дощатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печки, расположившись прямо на полу в полушубках и шинелях, человек двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежавшие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечой, воткнутой в бутылку, стоявшую на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

– Так вот, братишка, видишь, как мы живем, – обратился ко мне мужчина лет тридцати пяти с длинными унтерскими усами, закрученными кверху. – Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется.

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, ко-

торые разорили дочиста хозяйства крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь чем могу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим «милым братьям» и принес им три берданы, которые было решено на заседании губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с докладом от Хромцова, сказал:

– Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу. Операция назначена на двенадцать часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами.

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами пошел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, мы подошли к флигелю, и я, оставив своих спутников дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нее я не мог. Что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглядев комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условленного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не мог уснуть. Я все время смотрел на часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сего-

дня все они будут ночевать в подвале губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором взирающее на меня.

Суд и расправа в ЧК

Большая комната в два окна, на которых висят полуспущенные шторы. Комната обставлена мебелью, обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На одном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Ленина и Троцкого. Дверь занавешена тяжелой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет председателя губчека Тунгускова.

Идет заседание коллегии губчека. За столом сидят Тунгусков, напротив него в креслах Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков – старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад. Вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более двадцати пяти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, ко-

ротко остриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека, как я уже говорил о ней выше, наиболее бессердечная.

– Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, – обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами: «Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания – расстрелять».

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

– Есть какие-нибудь возражения, вопросы? – спросил Тунгусков. Молчание.

– Утвердить, – пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которой слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым… врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановления членам «тройки» на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два

часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов. Это высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем. Одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколота большая звезда и красный бант.

– Ну как, работы много будет сегодня, товарищ Рабинович? – спросил он, войдя в комнату следователя.

– Четырнадцать человек, – ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, не спеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

– Остальных шесть человек отправьте сегодня же в исправдом, – добавил следователь.

– Есть, – ответил комендант по-морскому, поправляя наган на ремне, и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендатуру.

Большое полуподвальное помещение под комендатурой губчека. Саженей тридцать, не больше. Помещение разгорожено деревянными перегородками на три части. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лам-

почек под потолком каждого отделения да парашек. Узкие, в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянуты тряпьем или старой кошмой. Деревянный пол, отопления никакого. Да оно и не нужно, и без того душно. Две двери ведут: одна во двор, а другая прямо в комендатуру. За запертыми дверями стоят часовые и смотрят через просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто подложив под голову шапку, спят тревожным сном около 120 человек. Это арестованные. Тела покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушают лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери, и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных – новую партию контрреволюционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах, какой-то интеллигентного вида человек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер – и, наконец, старый деревенский поп, одетый в

такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают, куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбирают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место, и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают «собачьи ножки» и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: «Откуда, земляки?»

– Шадринские, камышловские, – слышны ответы.

Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

– А кто его знает, за что посадили? За контру эту самую. А какая контра, и сам не знаю. Одно известно – весь хлеб отобрали вчистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего, – отвечает устало, безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили цигарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурный комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию – полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные садятся группами и, закурив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что

его арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек.

Вновь открывается дверь, и опять появляется дежурный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны красноармейцы.

– Иванов, Петров, Сидоров… выходите с вещами на допрос.

Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают мешки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них тяжелые сомнения. Почему на допрос с вещами? Не ведут ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, это значит, что их или освободили, или же перевели в исправительный дом. Если же нет, то… то, значит, их повели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в исправдом, в тюрьму. Какие счастливцы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и, может быть, даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале… горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное, не меньше десяти часов вечера. В подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись на нее спи-

ной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

– Иванов, Петров, Сидоров… на допрос к следователю! – кричит он, делая веселое лицо.

– С вещами или без вещей? – спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

– Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же, – бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный поторапливает. Ведь следователь ждет.

– Ну, прощайте, братишки, может, и не увидимся больше, не поминайте лихом, – прощаются уходящие.

Некоторые на прощание целуются с оставшимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним? Может быть, сегодня же.

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены, находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие Чека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюки галифе и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздеты и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от дверей и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит или, вернее, воет и плачет и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубине. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы «Зефир» и спешат в комендатуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут же, в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и затем внезапно прячется глубже в полушубок и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху, в губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет

прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальберг спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой «Леда».

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые получше. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контрреволюция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Командировка в Тюмень

Как я упоминал, начальником особого отдела состоял все тот же Тунгусков, а его заместителем был некто Старцев, человек интеллигентный и образованный, но страшный пьяница. Моим же непосредственным начальником в отделе являлся некто Иванов, бывший ремесленник-жестянщик. Беспробудный пьяница, больной алкоголик, он по утрам не мог выйти на работу, не выпив предварительно бутылки водки. Такие же порции он принимал в течение дня, а вечером уже настоящим образом напивался. Все мое время при нем уходило на добычу водки, что было довольно трудно, так как в то время спиртные напитки были запрещены, а отпускаемый месячный запас спирта на секретную работу Иванов поглощал в течение недели. На мой вопрос – почему он так много пьет и не лучше ли ему прекратить это занятие, он отвечал, что не может бросить пить, потому что, будучи в Перми, он расстрелял тысячи людей, которые «приходят его мучить», если он не напивается. Что это была за фигура, видно хотя бы из следующего.

В апреле 1921 года пришла на имя начальника особого отдела бумага из Пермского ревтрибунала, в которой сообщалось, что трибунал рассмотрел дело о хищении серебра (серебряной посуды и прочих вещей), конфискованного у буржуазии, и, установив виновность Иванова в хищении, при-

говорил его к пяти годам тюремного заключения. Трибунал просит направить Иванова в Пермь для отбытия наказания. Начальник особого отдела передал бумажку Иванову и велел дать письменное объяснение под его диктовку. Когда я его спросил, почему же он сам не напишет, он признался, что писать не умеет, а только может подписать фамилию. Объяснение, конечно, удовлетворило начальника, и Иванов был оправдан.

В то время из центра пришло распоряжение об отмене красного террора. Однако подвалы губчека и особого отдела были полны всяким народом, начиная от офицеров и священников и кончая крестьянами, прятавшими хлеб от реквизиции. Каждую ночь происходили ликвидации этих «нахлебников», как их называли в Чека. Хотя для расстрелов существовал специальный штат комиссаров, однако в них принимало участие и начальство. Обыкновенно после такой работы Старцев и Иванов напивались до положения риз и не показывались на службе по два, по три дня. Так длилось до мая 1921 года, когда пришло распоряжение о переформировании 3-й армии в 1-ю трудовую и о ликвидации особого отдела.

Началась ликвидация не только дела, но имущества. Было множество конфискованных золотых и серебряных вещей, денег, драгоценностей, одежды, даже продовольствия. Все это было вынесено в общую комнату и распределено между

сотрудниками. После этого была устроена генеральная попойка всех сотрудников, и особый отдел 3-й армии закончил свое существование.

К весне 1921 года в Тюменской губернии восстали крестьяне Ялуторовского уезда, перебили около 400 коммунистов и объявили в своих районах безвластие. Местные войска не могли справиться с восстанием. На помощь им были посланы части из Екатеринбурга и Омска. Одновременно для усиления местной Чека было послано несколько сотрудников из Екатеринбургской губчека. В числе командированных находился и мой бывший начальник Коряков, которым, как я говорил, начальство не было довольно и решило его сплавить. Приехав в Тюмень, Коряков получил назначение заведовать информацией губчека и, узнав о ликвидации особого отдела, потребовал моего откомандирования в Тюмень. Приехав в Тюмень в июле 1921 года, я получил назначение помощником Корякова по секретной агентуре.

По информационным сведениям, восстанием крестьян руководили работники из местного губернского продовольственного комитета, где полно было эсеров и меньшевиков и было очень мало коммунистов. Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. Чека командировала меня в губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы я мог проверить весь состав служа-

щих и следить за их работой и передвижениями.

Прежде чем продолжать, остановлюсь немного на руководителях Тюменской губчека. Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Ныне он состоит членом ЦКК в Москве.

Членами коллегии были: Бойко – начальник секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председателя, и некто Пильчак, который ничего из себя не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве, Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой – Бойко и Пильчак.

Вступив в должность заведующего личным составом, я получил директиву немедленно очистить аппарат от всех бывших офицеров и других подозрительных лиц. Директиву эту я осуществлял, постепенно заменяя увольняемых людьми, присланными из губернского комитета, а чаще приходившими по личной рекомендации губернских вождей.

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшийся агентуре для

угощения лиц, у которых можно было получать сведения.

Одним из таких агентов мне было сообщено, что из Тюменской губернии вывезено 20 ООО пудов хлеба незаконным путем и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии. Я, конечно, доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. Недели две спустя Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь по распоряжению Студитова был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось при помощи своих приверженцев бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Новониколаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и, получив там изрядный нагоняй, вернулся обратно в Тюмень.

Я искал случая покинуть Тюмень, потому что боялся, что Студитов рассчитается со мной. Однако со мной ничего не случилось. То ли Студитов не знал о моем участии в этом деле, то ли ввиду наступившей чистки партии в 1921 году решил переждать.

Из Москвы тем временем поступило циркулярное распоряжение о командировании лиц, владеющих восточными

языками, в распоряжение ВЧК. Я воспользовался циркуляром и, как знающий турецкий и персидский языки, стал проситься в командировку. Студитов меня не задерживал.

В Восточном отделе ВЧК

Приехал я в Москву вскоре по объявлении нэпа. Уже начали открываться кое-какие магазины, в витринах стали появляться пирожные и булочки вперемежку с сапогами и другими товарами.

Я явился в административный отдел ВЧК. Там меня зарегистрировали и, как восточника, направили в четырнадцатое специальное отделение. В то время были только «специальные» отделения, которые затем уже преобразовались в отделы. Так, наше отделение ВЧК вскоре стало называться иностранным отделом ОГПУ, восьмое отделение – специальным отделом и т. д.

Начальником отделения у меня был Михаил Абрамович Трилиссер. Делами отделения он мало интересовался и даже помещался не при отделении, а при коллегии ВЧК. Работой фактически руководил его помощник, эстонец Стырне, молодой человек, лет двадцати двух, однако очень способный. До работы в ВЧК он служил в коммунальном хозяйстве, перешел в ВЧК из соображений карьеры и для выслуги перед начальством готов был на что угодно.

Явился я к Стырне и после первого же разговора был зачислен сотрудником для поручений. Когда на следующий день я пришел на работу, то застал десяток молодых людей, занятых чтением газет и разговорами о продовольствен-

ных карточках. Упомяну из этих людей только Триандофилова, грека с Кавказа, Казаса, караима из Крыма, и Риза-заде, азербайджанца из Баку, так как к ним мне придется вернуться в моем рассказе. Я присоединился к общей компании и начал знакомиться с московскими условиями жизни.

Поселился я в доме № 9 на Большой Лубянке, отведенном под общежитие сотрудников ВЧК и называвшемся тогда «домом коммуны № 2». В одной комнате помещалось восемь человек: пять мужчин и три женщины – жены сотрудников. Помещение отапливали мы сами – дровами, которые нам предоставлено было искать где угодно. Скоро я понял, почему все заняты были разговорами о продовольствии: в Сибири всегда можно было достать хлеб, но здесь, в Москве, все выдавалось исключительно по карточкам.

Мне, как знающему персидский язык, поручили ознакомиться с материалами по афганскому посольству в Москве и передали два толстых дела, содержавших донесения наружной разведки. Члены иностранных миссий, конечно, не нуждались в продовольствии (часть запасов привозилась из-за границы). У них было множество знакомых, пользовавшихся их связями для легкого получения продуктов. Среди знакомых особенно много было женщин. В донесениях агентов наружного наблюдения регистрировались все лица, посещавшие посольства, и все лица, с которыми встречались члены миссии в городе, но сообщались только приметы лиц, без указания адресов, фамилий и пр.

Одновременно с делами афганского посольства я просмотрел дела по персидскому и турецкому посольствам и нашел там точно ту же картину. Я был молодым и неопытным разведчиком, но понял, что одним наружным наблюдением многого не достигнешь. Вскоре я представил Стырне доклад с предложением организовать внутреннее освещение иностранных посольств. Мой доклад был передан Трилиссеру и утвержден. Для выполнения его мне предложили поступить сотрудником в отдел Среднего или Ближнего Востока Наркоминдела и оттуда завести знакомства с членами миссий, среди которых предстояло вербовать агентуру для ВЧК.

Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу. Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял (уже тогда существовал антагонизм между Наркоминделом и ВЧК). Пробегав по кабинетам ВЧК со своим проектом полтора месяца, я ничего не добился и вдобавок разругался на одном из собраний ячейки со Стырне, а потому решил уехать из Москвы.

Моей мечтой было попасть в Туркестан, где я оставил родных.

В декабре 1921 года я подал заявление об откомандировании меня в Туркестан и, несмотря на уговоры Трилиссера, отправился в Ташкент, в распоряжение полномочного представителя ВЧК в Средней Азии, знаменитого Петерса.

Перед отъездом из Москвы я впервые познакомился с системой отправки за границу работников ВЧК. Это, собственно, была первая проба ВЧК посылки своих людей на заграничную работу. В конце 1921 года в Анкару назначили нового посланника СССР. К составу его миссии пристроили двух наших сотрудников – Триандофилова, уехавшего под фамилией Розенберга, и Риза-заде, не помню под каким псевдонимом. По позднейшим сведениям, Риза-заде успел на границе с кем-то подраться, расшифровал себя и был задержан, а Триандофилов поехал в Турцию и проработал там около года, пока Москва не отозвала из-за какой-то склоки, разыгравшейся в стенах анкарского полпредства.

Приехал я в Ташкент в первых числах января 1922 года и представился Петерсу. Познакомившись с моим «личным делом» (я забыл сказать, что на каждого сотрудника ОГПУ имеется «личное дело», куда заносятся все его деяния, передвижения по службе и отзывы начальствующих лиц), Петерс вызвал к себе заведующего политическим сектором Рейсиха и, сказав, что назначает меня в Бухару, велел ознакомить меня с обстановкой, в которой мне придется работать. В кабинете Рейсиха я получил все материалы из Бухары и о Бухаре.

Положение в Бухаре в то время было крайне напряженно. Население, издавна подогреваемое панисламистской и пантюркской пропагандой, к концу 1921 года почти поголовно восстало против советской власти. Повсюду оперировали повстанческие отряды басмачей, руководимые активными пан-

исламистами, ферганскую область терроризировал знаменитый курбаши (вождь) Курширмат, прозванный Джангиром (покорителем мира). Беспощадно вырезая все европейское население, он ради забавы иногда уничтожал дотла и узбекские кишлаки.

Другой курбаши, Фузаил Максум, действовал в Таджикистане, и, наконец, Ибрагим-бек, представитель бежавшего в Афганистан эмира бухарского, являлся фактическим правителем локайцев.

Каждый из этих вождей имел десятки шаек, возглавляемых мелкими вождями. В эти шайки вкрапливались военнопленные турецкие офицеры, находившиеся в Туркестане. Фактическими руководителями басмачей были турки, хорошо подготовленные в военном и культурном отношении.

Энвер-паша, который по уговору с Лениным должен был после первого съезда народов Востока в Баку поехать в Туркестан для усмирения этих банд, объединения их в один кулак и под лозунгом освобождения народов Востока двинуть затем через Афганистан в Индию, не сдержал своего слова.

Бывшие министры-младотурки сговаривались с советским правительством в Москве о восстании мусульманского мира против Европы. Энвер-паша, бывший военный министр Турции, был принят в Кремле лично Лениным. Опираясь на свой авторитет среди народов Востока, он просил Ленина дать ему возможность поднять родственные туркам народы Туркестана и повести их через Афганистан на Ин-

дию. Ленин согласился. Каждый преследовал собственную цель. Энвер надеялся организацией движения напугать союзников и помешать разделу Турции. Ленин же полагал, что восстание восточных народов расширит сферу большевистских влияний и подорвет могущество Англии, благодаря чему ускорится революционное движение на континенте. Во всяком случае, движение отвлечет внимание Европы от советской России, даст большевикам возможность выиграть время и подготовиться ко второму приступу революции.

Энвер-паша выехал в Бухару. Бухарцы встретили его восторженно. Когда он проезжал по улицам Бухары, женщины, стоявшие на крышах домов, сбрасывали чадру и открывали свои лица в знак высшей чести. В Бухаре Энвер нашел много старых приверженцев из турецких офицеров.

Польщенный приемом населения и видя слабость советского правительства, честолюбец Энвер немедленно решил использовать положение. Почему бы, в самом деле, до похода на Индию ему не стать правителем Туркестана. Достойный сын Чингисхана и Тамерлана, он, завоевав Центральную Азию, сможет затем, подобно предкам, повести свои полчища на запад.

Через несколько дней после приезда в Бухару Энвер отправился со свитой на охоту и больше не вернулся в отведенную ему резиденцию. А спустя неделю он, объединив часть басмаческих отрядов, уже наступал на Бухару.

Оборона затруднялась тем, что среди членов бухарского

правительства имелись сторонники Энвер-паши, подробно информировавшие его о передвижениях красных войск и даже помогавшие ему материально.

Маленькая группа русских войск с трудом несла охрану железнодорожной линии и еле сдерживала наступавших басмачей. Энверовцы подходили все ближе и уже заняли селение Богауддин в девяти верстах от Бухары.

Тем временем пришло подкрепление буденовцев. Прямо с эшелонов их перебросили к Богауддину. К вечеру дивизия вернулась в Бухару. Штаб бухарского военного министерства получил краткое донесение: противник разбит и отступил от Бухары.

На поле сражения у Богауддина осталось до 5000 трупов. Убирать их было некому, так как местное население разбежалось. Поселок был буквально сровнен с землей. Скот и все ценное буденовцы увели с собой.

Несколько отдохнув, буденовская дивизия выступила в Восточную Бухару. По пути следования войска не оставляли камня на камне. Жители частью погибли под буденовскими шашками, частью бежали и присоединились к басмаческим отрядам. Война приняла затяжной партизанский характер.

Я должен был ехать в Бухару в качестве начальника агентуры вместе с бывшим начальником особого отдела в Фергане, Окотовым, и начальником секретного управления при нем, Яковлевым. Все трое мы должны были приехать в Бухару секретно, чтобы никто не мог догадаться о нашей миссии.

Задача же заключалась в организации агентуры по «освещению» членов бухарского правительства и выяснению, кто из них и как помогает повстанцам.

В беседах со мной Рейсих рассказал следующую историю. Он был делегирован на съезд народов Востока в Баку и остановился в общежитии со всеми восточными коммунистами. Энвер-паша, приехав из Москвы, посетил общежитие. Едва Энвер вошел, все коммунисты-восточники упали на колени, поползли к нему и стали целовать ему руки и одежду. Эта картина произвела такое гнусное впечатление на Рейсиха, что он выхватил наган и хотел застрелить Энвер-пашу. Его вовремя схватили чекисты, охранявшие Энвера. Ныне, после бегства Энвер-паши, его, Рейсиха, выпустили из тюрьмы и назначили начальником политического сектора по борьбе с басмачеством, то есть с Энвером. После этого случая он, да и все русские коммунисты, перестали доверять коммунистам-восточникам. Если мне поручили работу в Бухаре, то только потому, что я поступил в партию в России. Недоверие к восточным коммунистам я затем неоднократно наблюдал у многих видных работников, всегда возражавших против приема восточных коммунистов в органы ОГПУ.

В течение недели я изучал материалы. Затем мне выдали корзину бумажных денег выпуска 1919 года, ходивших в то время в Бухаре, и я выехал на место назначения. Со следующим поездом должны были ехать Окотов и Яковлев. Кроме денег я был снабжен документами на фамилию Азадов.

Документы удостоверяли, что я бывший белый офицер, демобилизованный из Красной Армии, как чуждый элемент, и должны были служить свидетельством моей политической благонадежности для бухарского правительства, которое, по сведениям ОГПУ, не проявляло симпатий к коммунизму.

Приехав в Бухару, я, как военный человек, пошел искать работу в штаб бухарских войск. Мне посчастливилось, так как я сразу был принят сотрудником в оперативный отдел штаба. Начальство мое вскоре приехало. Окотов устроился в Бухаре под видом делопроизводителя при уполномоченном Туркестанского фронта, а Яковлев делопроизводителем при полпредстве Наркоминдела, которое тогда еще имелось при бухарском народном правительстве.

Военным министром, или назиром, был младобухарец Арифов, записавшийся после бухарской революции в коммунистическую партию. Его заместителем был крымский князь Тамарин, бывший офицер царской армии. Комиссаром штаба состоял коммунист Куцнер, с которым я подружился и от которого через несколько дней взял подписку о готовности работать на нас. Благодаря моим стараниям и помощи комиссара штаба, мне поручили через несколько дней организацию разведывательного отделения. Приняв это предложение, я выписал секретно нескольких сотрудников Чека и назначил их начальниками разведывательных пунктов в разных городах Бухары. Таким образом, благодаря счастливой случайности, весь разведывательный аппарат

бухарского штаба попал к нам в руки. Мы могли делать под прикрытием бухарского правительства что угодно.

Недели через две аппарат заработал. Поступавшие материалы предварительно сортировали, неважную для нас часть я докладывал бухарскому правительству, а другую часть секретно, через Наркоминдел, отправлял в Ташкент. Одновременно мы начали налаживать внутреннюю агентуру в самом штабе. Благодаря ей мне удалось установить, что сам военный министр Арифов активно помогает басмачам, держит тайную связь с Энвер-пашой и с афганским посланником в Бухаре Мамед-Расул-ханом, через курьеров которого сносится с вождями басмачей.

Тем временем приехал в Бухару сам Петерс вместе с военным командованием Туркестанского фронта на бухарский съезд Советов. Бухарское правительство устроило им великолепный прием. На съезде было произнесено много революционных речей. Арифов, оставаясь военным министром, был избран заместителем председателя совнаркома Файзулы Ходжаева. По окончании съезда меня вызвал Петерс для доклада. Когда я сообщил ему, что сам зампредсовнарком и военный министр Арифов является организатором басмачества, Петерс назвал это провокацией и, не веря мне, велел немедленно ликвидировать дела и приготовиться к выезду в Ташкент, напомнив, что за такую работу он обыкновенно расстреливает. Я ничего не ответил и ушел укладывать вещи. В ту же ночь меня вновь вызвали к Петерсу. В возбуж-

денном состоянии он заявил, что я был прав, так как вечером Арифов убежал к басмачам.

Петерс тут же велел мне составить письменный доклад об остальных министрах. Я это сделал, и через несколько недель часть бухарского Совета народных комиссаров была вызвана в Москву якобы для доклада и больше к своим обязанностям не возвращалась. Увезенные министры были заменены новыми, по строгому подбору Петерса. Сам я после этого вскоре выехал в Ташкент, передав дела вновь организовавшемуся особому отделу 13-го корпуса; начальником отдела был назначен Лазаватский, ныне занимающий должность советского консула в Керманшахе (Персия).

Вместе со мною уехали из Бухары Окотов и Яковлев. Работа их ни в чем особенно не успела проявиться. Окотов с первого же дня по приезде начал увлекаться бухарскими женщинами и был быстро провален, а Яковлев беспробудно пил. Эта командировка была их последней. После этого их обоих уволили. Сейчас Окотов работает где-то в Туркестане по кооперации, а Яковлев состоит во Владивостоке советским судьей, продолжая пьянствовать.

Петерс, недели через две по возвращении из Бухары в Ташкент, уехал в Москву и больше не возвращался в Туркестан.

Во время пребывания в Бухаре я познакомился с тогдашним начальником Разведывательного управления Туркестанского фронта Ипполитовым, ныне совконсулом и пред-

ставителем Разведупра в Авхазе (Персия). Когда я приехал в Ташкент, он сделал мне предложение перейти на работу к нему. На этом же настаивал Реввоенсовет Туркестанского фронта, требуя моего откомандирования из ОГПУ. В мае 1922 года я уже числился за Разведупром.

Сонька незолотая ручка

Свой рассказ о бухарском периоде моей работы мне хотелось бы дополнить одним эпизодом.

В Бухаре я проживал одновременно на двух квартирах. В Старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном здании недалеко от штаба армии, а в Новой Бухаре (Кагане), расположенной в двенадцати верстах от Старой, я занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице «Европа». Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в коридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент ВЧК – Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен ему.

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкафу у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий, худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, про-

ходил ко мне.

– Ну, что у тебя новенького? – спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

– Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю, – ответил я, откладывая бумаги в сторону.

– Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы.

Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо.

– Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

– Кто же это такая? – спросил я. – Уж не завлекла ли она тебя в свои сети, – смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

– Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она, и даже не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению, все места были заняты и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эсер и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи и в то же время на головах белые как снег тюрбаны. Работают, как во времена фараонов, примитивным способом засевая

на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой черт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое. Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

– Ладно, это ты потом, – перебил я его. – А где же девочка, я все-таки не вижу.

– Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает, как видно, с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что она должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось попробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у нее колоссальные знакомства в Бухаре и что она знает туземный язык. Поезд подходил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с черными, как маслины, жгучими глазами. Из-под черной шляпки выбивались иссиня-черные густые волосы. Одета она была в черное же пальто и темно-синее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, проходя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее

Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

– Немного, в сущности, – подумав, сказал я.

– Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

– В том-то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств, в сущности, никаких, за исключением пары коммунистов, – возразил я.

– Однако давай попробуем, – начал опять Окотов. – Во-первых, что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьмичасовым поездом, то, значит, она служит где-то в Старой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность, и главная примета – это шляпа с квадратиками. Наконец, мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы, – добавил он уже начальническим тоном.

– Слушаюсь, – ответил я и придвинул к себе бумаги.

– Ну, я пойду к себе работать. Когда закончишь писать сводку, положи в шкаф, – сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в «Европе» с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта военного министра, который, по нашим сведениям, был начальником секретной агентуры при Совете народных назиров.

Получив нужные сведения. Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

– Вот увидишь, я ее завербую, – говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

– Слушайте, я получила ваше письмо. Я не думаю, чтобы вы по пустякам назначали свидание. Я уверена, что вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что, в сущности, у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что…

– Я не пришла слушать ваши любовные признания, – прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел из засады и нашел Окотова сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

– Послушай, Коля, – сказал я, – дай мне взяться за нее, и ты увидишь. Разреши только недельку заняться ею.

– Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет, – отрезал он.

Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что Сонька (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета народных назиров. Еще два дня позже, когда я пришел в «Европу», я нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда. – Что случилось? – спросил я.

– Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти из дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно, расшифрован, и мне нужно выехать, чтобы не провалить других.

Я ему передал новые сведения о Соньке.

– Так вот кто натравил на меня шпиков! – воскликнул он. – Ну, братишка, возьмись за нее. Мне все равно теперь нельзя выходить на улицу, – предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не жжет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на севере. К пятичасовому поезду из Старой Бухары в Каган собралась масса народу. Тут, главным образом, служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где они живут. Много женщин, приехавших в Ст[арую] Бухару за покупками, и, нако-

нец, не мало и узбеков, едущих в Каган провести вечер, а может быть, и ночь вдали от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делают покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах. Большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издали слежу за Сонькой, прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице скучающее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей неинтересен и она не прочь от него избавиться. Я продвигаюсь к ней ближе. Наконец она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

– Извиняюсь, если не ошибаюсь, вы м[адемуазе]ль Кацман? – обратился я к ней.

– Да, а в чем дело? – спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

– Я начальник разведки бухарского штаба. Мне нужно поговорить с вами по одному очень важному делу, – отрекомендовался я.

– Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

– Видите ли, – начал я, – здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь ли вы поехать со мною в штаб, где мы спокойно могли бы поговорить, – предложил я.

– Нет, – ответила она, взглянув на часы на руке, – я опоздаю к поезду.

– Это поправимо, – сказал я. – Вы сможете поехать в Каган на штабном фаэтоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего эмира бухарского.

– Так вот, Софья Владимировна… – начал я.

– Откуда вы знаете, как мое имя, отчество? – перебила она меня.

– Мы многое знаем, на то мы и разведка, – продолжал я. – Мы знаем, что вы хорошая патриотка, что вы очень умная женщина и что у вас большие знакомства. Наконец, нам известно, что вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь ваших целей. Поэтому, нуждаясь в вашей помощи, я и решил прямо обратиться к вам.

– Чем же я могу быть полезной, – уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

– Я хочу просить вас принять участие в нашей работе и надеюсь, вы принесете очень много пользы. Особенно ценя вас, я предлагаю вам сразу исключительные условия. Я готов платить вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что если в месяц вы дадите тридцать рапортов, это составит тысячу пятьсот рублей золотом или тридцать миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нуж-

но будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами, – соблазнял я ее.

Она сидела и некоторое время обдумывала. Предложение для нее, видимо, заманчивое, но что-то ее удерживало согласиться.

Наконец она заговорила:

– Да, все это хорошо, но я боюсь, что кто-нибудь узнает, что я у вас работаю шпионкой, а у меня родные, что они скажут! Наконец, жених…

– Вы можете быть уверены, – прервал я, – что никто не будет и не должен знать. Мы даже наружно не будем подавать вида, что знакомы, а наши встречи будут происходить на конспиративной квартире, – уговаривал я.

– Хорошо, я согласна. Только имейте в виду, я не буду ничего писать своей рукой. Я только буду сообщать все, что вам нужно, словесно.

– Прекрасно, это для нас безразлично, – согласился я, делая радостное лицо.

– А теперь говорите, что нужно, а то уже поздно.

Я дал ей пустяковое задание и адрес конспиративной квартиры, где мы должны в будущем встречаться. Мы вышли из кабинета, и я предложил ей ехать в экипаже одной, дабы не быть скомпрометированной моей компанией.

Вечером того же дня состоялся очередной доклад Окотову.

– Ладно, а что ты думаешь делать с ней дальше? – спросил

он.

– А вот подожди, втянем ее постепенно в работу, а там видно будет, – ответил я, хотя, признаться, и сам еще не знал, что я буду делать дальше. Но я был уверен, что обстоятельства подскажут.

Кацман начала работать очень усердно и добросовестно. Я ей давал все более сложные поручения, и она выполняла, их без особых затруднений. Она уже успела дать много сведений о красноармейских частях, стоявших в Кагане. Она освещала жизнь и деятельность тогдашнего афганского консула в Бухаре Расул-хана. От нее же я имел сведения о деятельности восставшего Эвеншер-паши. Одновременно моя агентура следила за самой Кацман и выяснила, что она со своим женихом являются душой секретной разведки Совета народных назиров. По-видимому, пользуясь тем – другим аппаратом, она легко выполняла мои поручения, зарабатывая себе личные деньги.

Теперь она была менее осторожна со мной. Она уже подписала несколько расписок в получении денег от меня. Она заполнила анкету, где ее настоящая фамилия стоит рядом с ее кличкой. Наконец, она даже принесла в последний раз два рапорта, написанных ее рукой. План расправы в голове у меня созрел.

Однажды Кацман, по обыкновению, пришла на конспиративную квартиру. Она застала меня сидящим за столом с печально опущенной головой.

– Что с вами? – спросила она, усаживаясь в кресло.

– Плохие дела, – начал я, – вчера ночью напился пьяный и не знаю, где потерял портфель. Сегодня я искал по всем местам, где был вчера, но портфеля не нашел.

– А что, там были деньги? – равнодушно спросила она.

– В том-то и дело, что не одни только деньги, – я сделал паузу. – Вы знаете, как я скрываю вашу работу для нас. Так вот, чтобы никто не знал о нашей связи, я все ваше личное дело всегда хранил при себе в портфеле. И вот теперь портфель пропал вместе с бумагами. Не знаю, что и будет.

Мгновение она сидела и соображала. Затем она вскочила как ужаленная.

– Так что же вы сидите? Нужно же разыскать. Ведь что будет со мной, если кто-нибудь прочтет эти бумаги. Я же тогда пропала. Что скажут мои родные! Ах! – и она начала плакать.

– Бросьте, не нервничайте! – раздраженно остановил я ее. – Моя агентура сейчас разыскивает портфель, и, я надеюсь, он будет найден.

Она ушла заплаканной. Я взял телефонную трубку, вызвал трибунал и соединился со следователем-узбеком Хитаровым. Он являлся нашим секретным агентом, и я попросил его прийти ко мне.

– Вот что, товарищ Хитаров, – встретил я его, – пошлите, пожалуйста, за своей подписью повестку на бланке трибунала по этому адресу.

– Хорошо, – ответил он, читая адрес. – А что мне делать,

когда она явится ко мне?

– Не беспокойтесь, она не придет. Видите ли, это частное дело между нами, я ей симпатизирую, но она очень горда. И вот я хочу ее немного попугать, – объяснил я смущенно.

Спустя два дня Кацман буквально влетела ко мне.

– Смотрите, я получила повестку из трибунала. Это, вероятно, по поводу этих несчастных бумаг. Боже, что я буду делать?

– Слушайте, Софья Владимировна, я знаю этого следователя. По моим сведениям, он большой взяточник. Вы не ходите в трибунал, и я постараюсь поговорить с ним. Я, вероятно, смогу уладить дело. Не беспокойтесь. Идите домой и приходите завтра в это время. Я вам скажу о результатах.

На следующий вечер она пришла. Я поджидал ее с серьезно-озабоченным лицом.

– Ну как? – спросила она, не успев войти в комнату.

– Не знаю, как и сказать. Я был у следователя. Бумаги у него. Он обвиняет вас в международном шпионаже. В конце концов он согласился потушить дело, но просит сорок миллионов взятки. А я такими деньгами не располагаю, – закончил я.

– Слушайте, товарищ Азадов (я тогда работал под этой фамилией). Найдите эти деньги, я вас умоляю. У меня есть накопленные восемь миллионов; я их передам вам, а остальные я отработаю. Только прекратите это дело во что бы то ни стало, – просит она, и слезы катятся по щекам.

Я сидел в раздумье минуты три. Затем внезапно обратился к ней:

– Слушайте, Софья Владимировна, с одной стороны, мне вас жалко, и вместе с тем обидно, что вы со мной не откровенны. Ведь вы же одновременно работаете в агентуре Совета бухарских назиров. Почему бы вам не взять денег оттуда.

– Откуда вы знаете, что я там работаю? – спросила она, покраснев.

– Я вам уже говорил, что нам очень многое известно. Поскольку мы начали говорить откровенно, давайте продолжать. Хотите, я заплачу следователю сорок миллионов и буду продолжать платить вам по миллиону, как и раньше. Я сделаю это при одном условии.

– Каком? – спросила она.

– При условии быть со мной абсолютно откровенной. Если вы сейчас же назовете всех руководителей и агентов секретной разведки назиров и задачи, которые они поручали вам, то я завтра же покончу со следователем и все по-прежнему останется только между нами, – предложил я.

Короткое молчание.

– Хорошо, я согласна. Пишите, я буду говорить.

В этот вечер я получил полный список всей бухарской агентуры, и из заданий, которые назиры давали этой агентуре, мне стало ясно, что вдохновителем восстания против бухарского правительства являются сами же члены этого правительства.

Теперь оставалось отправить Кацман куда-нибудь подальше, чтобы она не могла помешать нашей дальнейшей работе.

– Прекрасно. Дело в том, что следователь просил, чтобы вы уехали недели на две из Бухары, дабы он смог начисто, без всяких подозрений, уничтожить начатое против вас дело. Куда бы вы могли поехать на недельку? – спросил я, укладывая в карман полученные сведения.

– У меня тетка живет в Самарканде. Я могу поехать к ней, – ответила она.

– Так вот вам еще пять миллионов, и завтра же выезжайте в Самарканд. Отдохните там неделю-две, затем приедете, и будем продолжать работать, – закончил я, вставая.

Той же ночью я сидел в своей комнате отеля «Европа» и составлял обширную сводку на основании полученных материалов. Через открытый шкаф вошел Окотов.

– Ну, все кончено, – обратился я к нему. – Подпиши вот эту телеграмму и завтра можешь опять свободно расхаживать по городу.

И я рассказал ему мой последний разговор с Кацман.

– Я же тебе с самого начала говорил, что эта женщина окажется полезной, – смеясь, сказал Окотов, подписывая телеграмму, которая гласила: «Самарканд. Начальнику особого отдела ВЧК. Сегодня наблюдением нашего агента выезжает Самарканд Кацман София, повторяю, Кацман София. По прибытии немедленно арестуйте Кацман Софию, содержите до особого распоряжения. Окотов».

Дальше нам легче работать. Мы знаем, кто работает против нас и как. Мы теперь будем бить наверняка. Бухарская народная республика будет уничтожена. Люди, ее поддерживающие, будут арестованы и ликвидированы. Их места займут наши люди, и будет объявлена «социалистическая республика».

Убийство Энвер-Паши

Военные действия на Бухарском фронте принимали неопределенный характер. Красные войска, стянутые в Восточную Бухару, не могли продвигаться вследствие своей малочисленности, отсутствия снабжения, сильной жары и противодействия местного населения. Население не столь сочувствовало Энвер-паше, сколь ненавидело Красную Армию. Ненависть бурно вырастала в связи с безобразиями, которые чинили красные части. Особенно неистовствовала буденновская армия.

Энвер после неудачной попытки захватить Бухару отступил и расположился со своим штабом в Таджикистане. Его отряды появлялись то с фронта, то с тыла красных войск и были неуловимы. Командование советскими войсками пришло к убеждению, что басмачество можно ликвидировать только уничтожением Энвер-паши.

Задача заключалась в поимке Энвера. Это было трудно, так как Энвер часто менял свою стоянку. Было решено прибегнуть к глубокой разведке и, установив местопребывание Энвера, не выпускать его из виду. Задачу эту поручили мне.

Я должен был проникнуть в расположение басмачей под видом торговца-разносчика.

Получив директивы и деньги, я выехал из Ташкента вместе с сотрудником Разведупра Осиповым. Он должен был

служить связью между мной и штабом войск.

Я имел простой паспорт на имя купца Расулова. Осипов ехал под своей фамилией.

В Бухаре мы закупили всякого товара и отправились в Карши. Мы лежали на средней полке вагона четвертого класса. Под головами у нас стояли ларек, набитый всяким мелким бакалейным товаром, и мешок с бельем и частью того же товара.

Уже утро. Мы стоим на станции Эмирабад. Наш поезд еще вчера вечером вышел из Кагана и, пройдя всего четыре версты, стал. Говорят, причина задержки – это налив воды в цистерны, которую нужно доставлять на все станции вплоть до Карши. На всех станциях водокачки разрушены повстанцами, и жители сидят без воды.

Я смотрел из окна вагона на куполообразную постройку почти нового станционного здания. Наверху под куполом виднелись сохранившиеся золотые письмена на арабском языке: эта станция служила для стоянки личного поезда эмира бухарского и названа его именем. Теперь все разрушено. Купол станционного здания пробит в трех местах попавшими в него снарядами. Я не выходил из вагона и не мог видеть, что вообще осталось от остальных построек. Да это меня и не интересовало. Я лежал и думал о порученном мне Реввоенсоветом Туркфронта задании.

После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции, Энвер-паша, отступил с восставшими басма-

чами в Восточную Бухару. Красная Армия вынуждена была следовать за ним, обеспечивая свой тыл и связь от нападений почти поголовно восставшего населения маленькими гарнизонами. Русские солдаты, не привыкшие к нестерпимой туркестанской жаре, без воды, без провианта гибли как мухи. Целая дивизия выбыла из строя только от малярии и дизентерии. Войска таяли, не имея возможности встретиться с врагом.

Найти Энвер-пашу и сигнализировать о месте его пребывания, не теряя его из виду, пока не будет уничтожен, – задача тяжелая. Трудность состояла еще в том, что найти его в горах и пустынях Восточной Бухары, когда все население помогало ему и ненавидело пришельцев русских, было делом почти безнадежным. И даже при благоприятном исходе эта задача была смертельно рискованная.

Но что значит риск, смерть для коммуниста-чекиста? Разве не должны они жертвовать жизнью для советской власти? А в Бухаре ведь советская власть. Правда, пока лишь формально, на основании постановления Всеузбекского курултая (состоявшегося, кстати, под руководством бывших агентов ЧК), но это не важно. Сейчас нужно уничтожить врага, а там можно взяться и за строительство.

Итак, нужно найти Энвера. Об этом я и думал, лежа на жестких досках в вагоне, пробираясь в Восточную Бухару под видом мелкого торговца. Узбеки уважают мирных торговцев. Мне нужно с ними подружиться, а там видно будет.

– Ну, Саша, давай будем пить чай. Сбегай за кипятком, а я нарежу колбасы и хлеба, – предложил я своему спутнику.

Осипов не спеша надел сандалии на босу ногу и, взяв чайник, пошел на станцию за кипятком. Он был здоровый детина одних со мной лет. По натуре очень флегматичен, он больше надеялся на свои кулаки, чем на голову.

Завариваем мутную воду зеленым чаем, который вся Бухара употребляет в летние месяцы. Вдруг резкий толчок вагона назад, затем вперед, и поезд тронулся. Идет он медленно, так как путь опасен. В любом месте могут быть разобраны рельсы.

Попивая чай, мы смотрим в узкое окно вагона на мелькавшую перед глазами панораму. Кругом солончаковые пески. Издалека мелькают маленькие оазисы-кишлаки из глинобитных построек, которые теперь разрушены и напоминают древние развалины. Кое-где торчат одинокие деревья тутовника, покрытые густым слоем серой пыли. Жителей почти не видно. Точно все вымерло. И так повсюду, до самого города Карши. Глаза устают смотреть. Жуткое однообразие.

Убрав чай, мы вынимаем колоду карт и играем в «66» до одурения. Так ехали весь день и ночь, пока на следующее утро не прибыли на станцию Карши. Поезд дальше не шел, железная дорога была разрушена. Нужно было искать других способов передвижения.

– Ну, Сашенька, забирай манатки, давай слезать. Дальше придется драть пешком, – сказал я, взявшись за лоток.

– Зачем пешком, ведь едет же народ как-то. Может, и мы как-нибудь устроимся. Давай сходим в город и расспросим. Заодно и отдохнем, может быть, в последний раз, – предложил Осипов.

– Да, пожалуй, ты прав, пойдем в город, – согласился я.

От станции Карши до города восемь верст. Единственная дорога, по сторонам которой тянутся сады, обведенные глиняными заборами, настолько изъезжена, что густая пыль примерно с фут толщины покрывает ее всю. Воздух, несмотря на раннее утро, уже накален летним солнцем. Прошедшие арбы подняли густое облако пыли, которое неподвижно осталось висеть в воздухе. Ни малейшего движения ветра. Кое-где у станционных зданий навесы узбекских чайных, под которыми, укрывшись в тени, сидят на корточках несколько туземцев и вяло пьют чай из пиал.

Закинув мешки с товаром на плечи, мы тронулись в город. Не прошли мы и версты, как услышали за собой стук колес. Обернулись и видим: едут красноармейские обозные повозки порожняком.

– Товарищ, подвези до города, угощу, – остановил Осипов первую повозку.

– А что у тебя есть? – спросил красноармеец, бросая взгляд на мешок за спиной Осипова.

– Сотню папирос хочешь? – сразу предложил он.

– Садись, – согласился армеец.

Мы, быстро забросив товар в повозку, взобрались к нему

на сиденье.

– Спасибо, товарищ, – поблагодарил Осипов, передавая сотню папирос и предлагая отдельно закурить армейцу из своего портсигара. – А куда вы едете?

– Да вот едем в город на базу. Заберем продукты и повезем в Гузар, – ответил армеец.

– Эх, вот счастье-то. А ведь и мы в Гузар. Как бы с вами поехать, товарищ? – продолжал Осипов.

– А вы кто такие будете? – спросил армеец, подозрительно окинув нас взглядом.

– Да как тебе сказать. Мы тоже солдаты, демобилизованные, и вот решили поторговать немного.

– Что же, выходит, спекулянты, – усмехнулся армеец.

– Мы бы заплатили, – вставил я.

– Да я ничего против вас не имею, да вот как бы начальство не было против. А сколько вы дадите? Миллион сможете дать? Я уж тогда на свой риск свезу вас, – внезапно предложил армеец.

Мы немедленно согласились и уже по-дружески закурили по новой папироске.

– Только вот что. Вы подождете где-либо у чайханы. Когда, погрузившись, выедем из базы, то вы и сядете.

Недалеко от города стоит двухэтажное здание. Это караван-сарай. Тут же, у ворот сарая, чайхана. У самой двери гигантский, желтый, всегда кипящий самовар. Рядом мангал, на углях которого завариваются несколько разбитых и почи-

ненных цветных чайников. Перед чайханой арык с медленно струящейся водой. Тут же у воды столетний карагач, который бросает тень на большое пространство у чайханы. Вокруг дерева приделаны широкие сиденья, покрытые коврами. На них сидят и полулежат узбеки. Около каждого чайник с чаем. Мы подошли к скамьям.

– Салам алейкум, – по традиции поздоровались мы.

– Алейкум салам, – ответили нам, и мы, сбросив мешки, заняли места рядом с ними.

В ожидании повозки мы пили чай со свежими лепешками и наслаждались прохладой тени.

Наконец подъехали повозки. Мы уселись в повозку нашего знакомого и, покачиваясь по ухабам дороги, выехали из города.

– Ну, Саша, теперь смотри в оба. Ты должен изучить дорогу наизусть. Ты же связь, – сказал я.

– Не беспокойся! – ответил Осипов, накрывая голову платком для защиты от палящего солнца.

Ехали мы целых пять дней по пустынной дороге. Изредка попадались уцелевшие чайханы и возвращавшиеся с фронта солдаты. Некогда цветущая Бухара напоминала древнее заброшенное место. Жители бежали к басмачам или в Афганистан. Проходившие части Красной Армии забирали съестные припасы, реквизировали скот для перевозок. Страна была разорена дотла…

Мы въехали в Гузар. Маленький, крытый навесом базар.

По обеим сторонам прохода темные, прохладные лавки. На крытых кошмами и ковриками нарах лавок сидят, поджав под себя ноги, лавочники и равнодушно смотрят на снующую по базару публику.

Мы подъехали к традиционной чайхане – этой восточной гостинице и, расплатившись с армейцем, сошли с повозки. Город представлял из себя полуразвалины. Дома частью были разрушены, частью же пустовали, покинутые жителями. В уцелевших жилищах расположились войска и госпитали, до отказа набитые больными тропической лихорадкой.

Дорога нас порядком утомила, потому чайхана казалась нам райским местом. Мальчишка принес в медном кувшине воду для мытья. Смыв с себя грязь и пыль, мы расположились пить чай. Узбеки в чайхане расспрашивают нас, кто мы, откуда приехали и чем занимаемся. Вместо ответа я раскрыл свой ларек и предлагаю товар. Это наша лучшая рекомендация. Начинается рассматривание товара и оживленный разговор о рыночных ценах товаров в Бухаре. Мы, с своей стороны, интересуемся рынками в Деннау и Юрчи, куда намерены ехать «продавать свой товар». Ко мне сбоку подсел узбек, одетый довольно бедно. Ему на вид лет тридцать пять. Желтое, худое, но энергичное лицо, умные глаза.

– Слушай, бай, – обратился он ко мне, – меня зовут Абдурахманом. Я здесь, в Восточной Бухаре, уже пятнадцать лет занимаюсь комиссионными делами. Раньше все богатые русские купцы продавали товар через меня. Теперь же дела

плохи, торговли нет. Товары из России не приходят, и мне нечего делать. Хочешь, я тебе буду помогать торговать? Я знаю здесь положение каждого купца. Знаю, где какой товар можно выгодней продать. Я даже поеду с тобой в Деннау и Юрчи, – добавил он торжественно, точно этим он приносил какую-то жертву.

– Очень хорошо, Абдурахман-бай, – ответил я, – мы пробудем здесь дня два. Давай поработаем, а дальше увидим. Если ты поможешь сделать нам хорошие дела, то мы с тобой всегда будем работать, даже из Бухары.

Отныне мы под опекой Абдурахмана. Он повсюду нас рекомендует и стал с нами более интимен. Он заинтересован в успехе нашей торговли, ибо надеется получить свою долю. Мы в его сопровождении пошли покупать кое-какие товары, которые выгодно можно продать в районе Деннау.

– Слушай, бай, – прошептал он мне на ухо, – мы должны купить товар у старого Рахматуллы-бая и попить с ним чаю.

– Почему именно у него? – спросил я.

– Ты же слышал, что в Деннау и Юрчи много басмачей, – начал он объяснять мне, – так вот, нужно беречь свой товар. Мало ли разбойников шляется по дорогам. Но если мы будем иметь письмо Рахматуллы к его брату в Деннау, то мы можем спокойно ехать. Верь старому Абдурахману, он знает, что говорит.

Мы подошли к лавке Рахматуллы-бая. Узкое, глубокое помещение, заваленное всяческим товаром, начиная с пуговиц

и ситца и кончая керосиновыми лампами и галошами. У двери сидит сам Рахматулла, одетый в белый чесучовый халат. Его большой живот обвязан цветными бухарскими шелковыми платками. Скуластое жирное лицо со скудной растительностью. Узкопосаженные монгольские глаза блестят под густыми седеющими бровями. Таков старик Рахматулла. В руках он перебивает длинные, черного дерева четки.

– Салам алейкум, Рахматулла-бай, – поздоровался Абдурахман, низко кланяясь. Мы также поклонились.

– Вот привел к тебе хороших купцов из Бухары, – продолжал он, сбрасывая туфли с босых ног и садясь на корточки у края ковра.

– Добро пожаловать, – ответил спокойным голосом Рахматулла, разглядывая нас. – Садитесь, гостями будете. Два чайника чаю, – командует он проходившему мальчику из чайханы. За чаем он стал расспрашивать, как мы путешествовали, что нового в Бухаре, но ни слова о нужных нам товарах. Таков обычай Востока – с делом не спешить.

Наконец Абдурахман начал говорить о деле:

– Видишь ли, Рахматулла-бай, мои баи приехали из Бухары и привезли много товара. Еще больше товара идет за ними. Но они по моему совету хотят купить кое-что здесь для Деннау и Юрчи, куда мы, иншалла, поедем вместе. Так вот, я привел их к тебе, ибо кто лучше тебя знает, что нужно для Деннау, где твой брат Джума-бай является аксакалом.

Долго говорили. Затем выбирали товар. Обмениваясь любезностями, стали торговаться. Спорили. Делали вид, что уходим, ибо у него дорогие цены. Клялись друг другу всеми святыми, что он продает, а мы покупаем себе в убыток. И, наконец, сторговались.

– Хай, Рахматулла-бай, – начал опять Абдурахман после того, как мы ударили по рукам, – ты сам видишь, что баи богатые купцы и хорошие люди. Они закупили у тебя столько товару, но ты знаешь, что сейчас в районе Деннау, куда мы едем, неспокойно, а люди они нездешние. Напиши своему старшему брату аксакалу Джума-баю, что тебе эти люди известны и что ты поручаешь их его покровительству. С этим письмом, иншалла, они продадут успешно товар и вернутся к тебе за новым.

– Хорошо, – ответил Рахматулла, уже опять спокойно-невозмутимый, кидая четки. – Позови мирзу (писца), я пошлю привет своему брату.

Подошел уличный писец. Сев на ковер и раскрыв пенал с ручкой и чернилами, он начал писать под диктовку Рахматуллы. Закончив писать, он прочитал написанное вслух и передал письмо Рахматулле. Тот, откинув халат, достал золотые часы на цепочке. На этой же цепочке висела его личная печать. Обмакнув печать в чернила, Рахматулла лизнул конец письма и приложил печать.

– С Богом. Иншалла, благополучно приедете и с поль-

зой будете торговать. Привет моему брату аксакалу, – сказал Рахматулла, передавая письмо и прощаясь с нами.

Раннее утро. Мы в пути на Деннау. У нас три маленьких выносливых осла. На двух сидим я и Осипов. На третьем привязан товар, и изредка на этом же осле отдыхает Абдурахман, идущий пешком. Сейчас он идет за ослом, понукая его палкой.

– Абдурахман-бай, трудно сейчас жить стало. Совсем нет торговли, – сказал я от скуки.

– Да, – вздохнул он, – это революция все испортила. Не будь революции, я теперь богатым человеком был бы.

– А ведь басмачи тоже против революции, почему ты не с ними? – продолжал я.

– Басмачи хотят эмира, – ответил он, оглядываясь по сторонам, точно кто-нибудь в этой пустыне мог его подслушать. – А я знаю, что такое эмир. При старом эмире наш гузарский бек силой взял мою сестру и изнасиловал. А его писарь заставил сожительствовать с ним моего младшего брата. А что сделаешь? Только скажи, и голову отрубят. Нет, лучше русские. Они лучше, чем эмир. Вот теперь Энвер-паша хочет быть эмиром, – продолжал он, – его из Турции выгнали, и он пришел к нам. Они воюют, грабят, а нам житья нет. Да, все плохо. – И он стал бить палкой осла, точно вымещал на нем всю злобу.

– Абдурахман-бай, а почему бы тебе не поехать в Бухару и спокойно там торговать? – не отставал я.

– А как поедешь? У меня семья, трое детей. На торговлю нужны деньги, – ответил он безнадежно. – А хорошо было бы жить в Бухаре. Я там был два раза, – мечтательно добавил он.

У меня мелькнула мысль завербовать его.

– Да, деньги большая сила, а сейчас заработать их очень трудно, – задумчиво сказал я. – А знаешь, Абдурахман-бай, что русские обещают большие деньги тому, кто найдет Энверпашу и сообщит властям, где он укрывается.

– Неужели? А сколько они дают? – спросил он с любопытством.

– Сто миллионов, – ответил я, – я сам читал объявление в Бухаре, когда выезжал оттуда.

– Хоп! Это очень большой капитал. Только зачем они дадут столько денег, если каждый мальчик знает, что Энвер в кишлаках у Деннау, – сказал он с сомнением.

– Ну, а если это правда, ты пошел бы на это дело? – спросил я.

– За половину, за четверть этих денег отдал бы Энвера и всех этих турок. Это они принесли войну в наши края, – с ненавистью сказал он.

– Да, тогда ты был бы очень богатый купец, – сказал я и замолчал. Я решил, что нужно дать время переварить ему эту мысль. Я начал разговаривать с Осиповым о пустяках. Он, ухмыляясь, поддерживал разговор. Он понял мой план и одобряет его.

Вечером мы расположились отдыхать на ковре, расстелен-

ном прямо на земле у придорожной чайханы. После жирного пилава мы пили последний перед сном чай.

– А хороший ты человек, Абдурахман-бай, и я бы очень хотел, чтобы ты разбогател и стал большим купцом. Тогда бы мы вместе торговали, – начал я разговор.

– Да, было бы неплохо, – ответил он.

– Вот ты сегодня говорил, что Энвер у Деннау. А не опасно ли нам ехать туда с товаром? – сказал я, наводя его на разговор об Энвере.

– С письмом к Джума-баю нам бояться нечего. Он сам большой басмач. Все продукты басмачам доставляет он. А может быть, к нашему приезду русские поймают Энвера, и все будет кончено, – закончил он.

– А знаешь, я бы хотел, чтобы ты помог русским поймать его. Тогда бы ты получил большие деньги.

– Я бы тоже хотел. Сто миллионов большие деньги. Но как? Я даже русского языка не знаю, – сказал он.

– Если хочешь, пойдем вместе в Деннау к русскому коменданту, – вмешался в разговор Осипов, – он мой хороший знакомый. Ты ему расскажешь, а я буду переводить. Он тебе, наверно, сразу даст денег.

– Хай! – сказал Абдурахман. – Пойдем с тобой вместе. Только не забудь, Алексан-бай.

Словом, по дороге в Деннау мы окончательно завербовали Абдурахмана. Он оказывал нам ценные услуги, познакомив с местными жителями, рекомендуя нас как мирных купцов

и собирая полезные сведения.

Гарнизон Деннау состоял из роты пехоты и эскадрона кавалерии с пулеметами. Жизнь в городе замирала с наступлением сумерек. Чувствовалось, что фронт недалеко.

Мы с Осиповым решили сразу же связаться с начальником гарнизона. Тем временем Абдурахман выяснил, где расположен штаб Энвер-паши. Во дворе у ворот, где размещался гарнизон, было привязано несколько оседланных лошадей. В глубине двора маленькое здание. На двери на листе бумаги старательно карандашом выведено: «Начгар Деннау».

Вошли. За простым кухонным столом, накрытым серым солдатским сукном, сидит военный. Об этом можно догадаться по брюкам-галифе, сапогам и шпорам. До пояса же он раздет, так как стоит сильная жара.

– Вы товарищ начальник гарнизона? – спросил я.

– Да, а в чем дело, граждане? – ответил он, глядя на нас вопросительно.

– Я – уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта, – представился я и, достав из кармана ножик, начал распарывать подкладку моего пиджака. Достав из-за подкладки мандат, напечатанный на куске шелкового полотна, подал ему.

«Предъявитель сего тов. Агабеков назначен для активной борьбы с контрреволюционными повстанцами. Всем военным и гражданским учреждениям и лицам надлежит оказать тов. Агабекову всемерное содействие по выполнению возло-

женной на тов. Агабекова задачи. Член Реввоенсовета Туркфронта Воронин. Начразведупра Ипполитов», – было в мандате.

– А это мой товарищ по связи, товарищ Осипов, – представил я.

– Садитесь, товарищи, – засуетился начгар, предлагая нам стул, на котором сидел.

– Итак, сегодня ночью мы выезжаем к басмачам в штаб Энвер-паши. Установите тесную связь со штабом дивизии и ждите от нас известий, – закончил я беседу с начгаром, и мы вышли.

У нас все готово. Мы получили письмо от Джума-бая, где он рекомендует нас как мирных купцов, и Абдурахман, сияющий, получив от начгара десять миллионов, собирает все вещи в мешки. Ночью мы выехали в кишлаки к басмачам.

Уже вторую ночь мы проводим среди басмачей. Большая часть товаров распродана. Мы уже подружились со многими басмачами и считаемся своими людьми среди них. Вечером мы сидели у чайханы среди басмачей. Настроение у них подавленное. Никуда нельзя носу показать, повсюду Красная Армия.

– Вот подождите немного, – говорит один свирепого вида, со шрамом на щеке басмач, – паша послал послов во все страны мира. Скоро к нам на помощь придут афганцы, а потом и англичане. Тогда уж мы прогоним русских.

– Ждать долго придется, – говорит другой, работающий на

кухне у Энвера, – я вчера во время обеда слышал, как паша сказал, что придется здесь прожить не меньше трех недель.

– А хорошо бы сейчас сделать налет на какую-нибудь станцию. Я обязательно захвачу себе русскую жену, – говорит третий, лет сорока басмач с большим хищным носом на худощавом лице.

– Ты лучше гляди, что делает твоя теперешняя жена, – перебивает его другой. Все смеются. Люди оживляются. Разговор завязывается, и каждый вспоминает о замечательных случаях своей жизни.

Я лежал с Осиповым. Мы слушали разговор басмачей.

– Шура, завтра с утра тебе придется выехать вместе с Абдурахманом в Деннау, и пусть немедленно наши окружат кишлак. Слышал, что они намерены здесь жить три недели? – сказал я на ухо Осипову.

– Ладно, а как же ты? – спросил Осипов.

– А я буду здесь ждать результатов.

– Укокошат они тебя одного, – после короткого молчания сказал Осипов. – Давай лучше уйдем вместе.

– Брось дурака валять, – оборвал я его, – делай, что говорят. Ты поедешь под предлогом привезти новую партию товара.

– Ладно, – ответил Осипов и, повернувшись на другой бок, закурил папироску.

Уже четыре дня я один среди басмачей. Товары все рас-

проданы. Мне абсолютно нечего делать. Я почти все свое время проводил в чайхане. Только изредка выходил посмотреть, нет ли чего нового у небольшого глиняного домика, где помещался Энвер-паша. Однажды я его увидел. Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста, красивое лицо, приподнятые кверху усы, аккуратно выбритый. Он носил все еще форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал.

В одиночестве я тоже думал. И чем больше думал, тем страшнее становилось. Я ведь был молод, и мне также жить хотелось. А тут один, в стане басмачей. Я отгонял эти мысли. Старался думать об успехе дела. Зато как приятно будет, выполнив задание, вернуться в Ташкент. В город, где нет басмачей и где безопасно.

Но назойливые тревожные мысли возвращались. Не напутали бы там наши в Деннау. Не опоздали бы. Но нет, Осипов – верный и умный парень. Он не напутает и не даст напутать. Нужно взять себя в руки и ждать…

На другое утро на осле с товарами приехал Абдурахман. Разгружаясь, он незаметно передал мне клочок бумаги: «Войска вызваны, связь не прерывайте. Случае изменения дислокации противника срочно сообщите».

Я закурил этим клочком бумаги папироску. Опять начали торговать привезенными товарами, время проходило незаметнее.

Поздно вечером приехал Осипов. При виде меня на его лице засияла улыбка.

– Ну, братишка, – начал он, когда мы уединились, – сегодня нужно тикать отсюда.

– Почему? – спросил я.

– Дивизион прибыл в Деннау и к утру будет здесь.

– Ладно, предупреди Абдурахмана.

Через час мы, по одному выйдя из чайханы точно на прогулку, прошли за кишлак. Соединившись в темноте, мы ускорили шаги и, наконец, пустились бежать. Осипов держал в руках наган, захваченный в последнюю поездку. Мы бежали и шли, шли и бежали. Сердце точно хотело лопнуть от напряжения, но мы боялись погони. Мы хотели жить. Наконец вдали послышался глухой топот конницы. Мы бросились в сторону от дороги и залегли. Проехали человек шесть кавалеристов, а за ними показался весь дивизион.

Мы вышли им навстречу. Нас радостно встретили. Дав подробные указания начальнику и комиссару дивизиона, мы двинулись дальше, а кавалерия пошла заканчивать наше дело.

На другой день получили известие, что Энвер-паша убит. Моя задача была выполнена, и я расположился на отдых в Деннау. Вечером пришло подробное донесение о произведенной операции.

Дивизион, приняв тщательные меры предосторожности, продвигался по указанному нами маршруту. На рассвете

войска подошли к месту расположения штаба Энвер-паши. Чтобы отрезать отступление, один эскадрон был отправлен в обход селения.

В семь часов утра войска пошли в атаку на басмачей. Однако врасплох их застать не удалось. Началась перестрелка. Под пулеметным огнем басмачи не выдержали, дрогнули и отступили. Энвер-паша, поняв положение, приказал басмачам держаться, пока он не отойдет вместе со штабом в горы.

Вместе с тридцатью своими приближенными он помчался в противоположную от боя сторону. Расчет его не оправдался. Он наткнулся на эскадрон, посланный в обход селения. Видя себя окруженным, Энвер бросился в рукопашный бой.

Произошла короткая схватка. Штаб Энвера был изрублен шашками. Успели спастись только двое. Красноармейский отряд не знал, с кем вел бой. Лишь потом, при осмотре трупов, опознали Энвер-пашу. Ударом шашки буденовец снес ему голову и часть плеча. Рядом с обезглавленным трупом валялся Коран. Энвер, видимо, держал его в руках, когда повел свой штаб в атаку. Коран отправили в Ташкентское ОГПУ и приложили к делу об Энвер-паше.

Так сложил голову бывший военный министр Турции Энвер-паша, один из авантюристов от революции.

Я лежал на скамейке в кабинете начальника гарнизона Деннау и, подложив под голову седло, отдыхал. В углу суетился Абдурахман, заваривая традиционный чай. Он теперь богат, так как получил обещанную награду. Он уже держит

себя с другими узбеками очень важно. Но мне он услуживает. Он хочет ехать со мной в Бухару, где думает открыть торговлю.

Сейчас он преданно-ласково смотрит на меня и приготавливает чай. Я также ему улыбаюсь, но вместе с тем зорко смотрю за его манипуляциями.

Не насыпал бы яду в чай. Это на Востоке случается…

Дело Энвера было прекращено и сдано в архив. Басмачество лишилось вождя и пошло на убыль. Приверженцы Энвера рассеялись по стране небольшими группами, искали убежища в Афганистане.

Успешно выполнив операцию, я вернулся в Ташкент и получил двухмесячный отпуск.

Советские власти деятельно ликвидировали остатки басмаческого движения. В районе Восточной Бухары еще держался вождь локайцев Ибрагим-бек, а в Хорезме действовал Джунаид-хан.

Один из руководителей ОГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс, работавший затем за границей под фамилией Шмидт, рассказывал мне, как он расправлялся с басмачами. Он подсылал людей к повстанцам, поручая травить пищу басмачей цианистым калием, от чего погибали сотни людей; люди Скижали Вейса снабжали басмачей самовзрывающимися гранатами, вбивали в седла главарей отравленные гвозди и т. д. Так было уничтожено большинство руководителей басмаческого движения.

Служба в контрразведке

В один из ближайших после отпуска дней я пошел зарегистрироваться в ОГПУ (каждый работник ОГПУ после своего откомандирования или ухода продолжает состоять на учете и должен ежемесячно регистрироваться) и встретил там своего бывшего московского начальника Стырне. Оказывается, ОГПУ в конце 1922 года приступило к организации в Туркестане контрразведывательного отдела, и Стырне был прислан из Москвы для постановки дела и руководства. Встретив меня, он пригласил вновь перейти к нему на работу. Я дал согласие и через несколько дней сидел в КРО на должности уполномоченного первого отделения контрразведки. Это было отделение по борьбе с иностранным шпионажем. Начальником отделения состоял небезызвестный Уколов, посланный затем в 1925 году в Кантон; захваченный с документами при нападении китайцев на советское консульство, он был убит китайским полицейским.

В ОГПУ имелись сведения, что английский представитель в Кашгаре Эссертон использует в разведывательных целях кашгарцев, ведущих торговлю с Туркестаном и проживающих на советской территории. Было установлено наружное наблюдение за всеми видными кашгарцами, в частности за аксакалами (старшинами). Ни наблюдение, ни перлюстрация писем никаких улик не давали. Дела пухли от маловажных

сведений. Число лиц, подозреваемых в шпионаже, росло, и к моему приходу в одном только Ташкенте числилось до девятисот подозреваемых в шпионаже кашгарцев.

Как велась борьба со шпионажем, можно видеть из следующих примеров.

В январе 1923 года из Бухарского ОГПУ от Лозоватского поступило донесение о раскрытии тайной организации, вербующей людей в Бухаре, снабжающей их оружием и готовящейся к выезду в Семиречье для поднятия восстаний. Руководителями организации являются кашгарцы, действующие по инструкциям англичан. Сведения эти Лозоватский получил от индусского эмигранта Абдул-Каюма, бежавшего из Северной Индии в 1920 году вместе с Роем, вождем индусских коммунистов. Организация должна была проехать через Ташкент.

Каюма срочно вызвали в Ташкент. Он подтвердил донесение и добавил, что организация заготовила даже знамя для восстания. Через несколько дней действительно в Ташкент приехали шесть мужчин и две женщины. По указанию Каюма их арестовали и при обыске обнаружили несколько револьверов и патронов, а также какое-то расшитое полотно, которое, по-видимому, должно было служить знаменем для повстанцев.

Задержанные лица не говорили по-русски. Переводчиком был приглашен тот же Каюм. На допросах арестованные чистосердечно сознались во всем. В ожидании суда их продер-

жали под арестом около восьми месяцев. Тем временем приехал из Памира переводчик памирского отряда Хубаншо. Он как-то встретился с арестованными и передал, что они хотят говорить со мной. В ожидании новых разоблачений я вызвал их к себе. На новом допросе неожиданно выяснилось, что никакого признания они восемь месяцев тому назад не делали, а все запротоколированные показания выдумал сам Каюм, который был и доносчиком и переводчиком. Тут же выяснилось, что оружием и «знаменем» снабдил их под благовидным предлогом тот же Каюм.

Арестованные после девятимесячного заключения были выпущены. Я возбудил дело против Каюма, который в то время уже находился в Москве, но ничего не мог добиться. Каюм и поныне работает переводчиком при полномочном представителе ОГПУ в Средней Азии.

Другой случай.

Поступило агентурное донесение, что один кашгарский купец в разговоре с другими сказал, будто он знает в Ташкенте до тридцати английских шпионов-кашгарцев. Купец был незаметно схвачен на улице и водворен в тюрьму при ОГПУ, причем в книгах арестованных его записали под другой фамилией, чтобы никто не догадался о его местонахождении. Его допрашивали с пристрастием в течение пятнадцати дней. О шпионаже он ничего не мог сказать. Его освободили и прямо из тюрьмы выслали на китайскую территорию.

Таковы были методы борьбы ОГПУ со шпионажем в 1922–1923 годах.

Спустя месяц после поступления в КРО я был назначен помощником начальника отделения, и ко мне перешли все дела по афганскому и персидскому шпионажу. Нас особенно интересовали отношения афганцев с басмачами. В то время как афганское правительство официально заявляло о своей дружбе с советской Россией, басмаческие шайки всегда находили убежище на афганском берегу Амударьи и оттуда совершали налеты на советскую пограничную стражу.

Что касается Персии, нас не столько интересовала персидская разведка, сколько английская. Английский военный атташе в Мешеде Томсон имел близкие связи с русскими эмигрантами и пользовался их услугами для разведки в советском Туркестане.

Помню, из Мешеда прибыл русский эмигрант Герасимов. Он явился в ОГПУ как раскаявшийся и передал нам шифр, якобы украденный у генерала Выгорницкого, проживавшего в Мешеде и, по нашим сведениям, состоявшего на службе у английской разведки. При подробном допросе он объяснил, что шифр был выкраден персом, слугою Выгорницкого, и передан ему. Еще через несколько дней, на очередном допросе, он обмолвился, что перс был неграмотен. В ответ на вопрос, как же неграмотный перс мог узнать шифр, Герасимов сознался, что его прислал военный атташе. Герасимова

расстреляли.

Вслед за ним прибыл другой эмигрант, некто Багдасаров. Он работал в Мешеде у англичан шесть месяцев с ведома советского консула, получил задание и явки от англичан и с нашего же ведома приехал в Туркестан. Благодаря Багдасарову была выявлена часть английской агентуры в Туркестане. Ее мы и использовали для дезинформации представителя английской разведки. Одновременно в Ташкенте возникла идея организовать агентуру для борьбы со шпионажем в приграничных районах. Первые опыты были начаты в Хоросане, и представительство ОГПУ было поручено советскому консулу в Мешеде Хакимову.

Хакимов вскоре уехал, и его заменил Апресов, прослуживший затем консулом в Мешеде в течение трех лет. Хакимова же перевели в Аравию, где он сейчас состоит полпредом СССР в Йемене при имаме Яхья.

Апресов, занимая должность советского консула и резидента, являлся одновременно представителем Разведупра и Коминтерна и работу в Мешеде поставил на должную высоту. Юрист по образованию, очень толковый, хорошо знающий психологию Востока, владеющий персидским языком и тюркским наречием, любящий риск и приключения, он самой природой был создан для работы в ОГПУ на Востоке. К тому же он имел некоторую практику в работе. Будучи советским консулом в Реште, он сумел похитить через сожительницу английского консула в Реште архив консула, чем

завоевал полное доверие этого учреждения.

Апресов взялся за работу, и к середине 1923 года от него стали поступать копии всей секретной переписки английского консульства в Мешеде с английским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. К этому времени я уже занимал пост начальника отделения, так как Стырне уехал в Москву в контрразведывательный отдел, где состоит поныне в должности помощника начальника КРО, а в Туркестане его заменил Уколов. Несмотря на успехи Апресова, ОГПУ не было им довольно, потому что свои донесения он в копиях посылал Разведупру и Наркоминделу, а ОГПУ любит владеть информацией монопольно. Поэтому было решено послать в Мешед специального человека для продолжения нашей работы. К этому вынуждало также то обстоятельство, что Шумяцкий, полпред СССР в Тегеране, уехал в отпуск и, оставив Апресова своим заместителем, велел ему выехать в Тегеран.

Сперва был послан в Мешед некто Вонаг под видом управляющего делами конторы Нефтесиндиката. Затем Вонага сменил Вербов, старый партиец, выживший из ума старик; Москва прислала его нам, желая от него избавиться.

К тому же времени мы учредили резидентуру ОГПУ в Мазари-Шерифе (Афганистан); работа была поручена консулу Думпису.

Иллюстрацией того, как мы в то время работали и к каким средствам прибегали для добывания нужных сведений,

может служить следующая история.

Как я упоминал, нас весьма интересовало отношение Афганистана к басмачеству и роль афганского консула в Ташкенте в этом деле. Для целей осведомления мы использовали памирского переводчика Хубаншо, таджика по национальности, который еще в Памире помогал нам вести разведывательную работу в Индии. Для этой работы был выбран именно он, так как афганский консул в Ташкенте тоже был таджиком.

Подосланный к консулу Хубаншо быстро с ним подружился. Используя племенную вражду между афганцами и таджиками, он уговорил консула продать нам шифры и секретную переписку консульства. Однако консул запросил за это десять тысяч рублей золотом и не соглашался уступить за тысячу, которую мы предлагали. Тогда мы решили получить шифры и переписку даром. Выбрав день, когда в консульстве остались только консул и секретарь (охрану мы не считали: она была нашей), мы пригласили консула на ужин, а секретаря вызвала к себе его сожительница (наша агентша). В консульстве никого не осталось. Ужин мы устроили с вином и женщинами. К концу пиршества одна из женщин всыпала консулу в стакан снотворное, и к одиннадцати часам вечера консул спал беспробудным сном. Мы же, отстегнув у него с часовой цепочки ключи от несгораемого шкафа, проникли в консульство и сфотографировали все, что нам было нужно.

После операции ключи были водворены на место. На следующее утро консул проснулся в объятиях одной из пировавших с ним женщин и, ничего не подозревая, с головной болью вернулся в консульство.

В заключение этой главы расскажу об убийстве атамана Оренбургского казачьего войска Дутова.

Разведупр Туркестанского фронта имел в Чугучаке секретного агента, бывшего штабс-капитана. Ему поручили убийство атамана Дутова, находившегося со своим штабом в Западном Китае. Штабс-капитан нанял для убийства одного киргиза. Киргиз выполнил свою задачу превосходно.

На быстром коне он подскакал к штабу Дутова и попросил вызвать атамана, для которого он якобы привез личный секретный пакет. Дутов вышел на крыльцо. Киргиз подал левой рукой пакет. Когда Дутов взял пакет, киргиз правой рукой выхватил револьвер и, выстрелив в упор, убил атамана наповал. Повернув коня, убийца умчался к советской границе и был пропущен в СССР.

За это дело киргиз был награжден орденом Красного Знамени. Офицер же, организовавший убийство, получил в награду полную амнистию, советский паспорт и возвратился к своей семье в Ташкент.

По приезде в Ташкент ОГПУ вызвало его, чтобы расспросить о положении в Западном Китае.

Окончив допрос, во время которого он весь дрожал, я спросил, в какой части города он живет, и, узнав, что нам по

пути, вышел вместе с ним. На улице к офицеру подошла женщина, оказавшаяся его сестрой. Он мне признался, что, получив вызов в ОГПУ, он думал, что его расстреляют, и взял с собою сестру, чтобы она хотя бы знала, что с ним случилось. Выйдя живым, он радовался, как мальчик. Мы устроили его на службу куда-то бухгалтером, однако через месяц он явился ко мне как-то вечером и в крайне возбужденном состоянии просил меня сказать, почему за ним продолжают следить. Я пытался его разуверить. Он ушел, видимо не поверив. Еще через месяц явилась его сестра и сказала, что брата, заболевшего манией преследования, отвезли в больницу. Нервы этого человека, бывшего восемь лет на войне, не выдержали страха перед ОГПУ.

ОГПУ и контрабандисты

Звонит настольный телефон. Я поднял трубку.

– Слушаю!

– Откуда говорят? – спросил голос.

– Это ОГПУ, – ответил я. – Кто спрашивает?

– Это товарищ Агабеков?

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, товарищ Агабеков, говорит с вами Доктор. Нельзя ли сейчас с вами встретиться? У меня срочное дело.

– Одну минутку, – ответил я в трубку и посмотрел на часы. – Хорошо, я буду через полчаса на нашей квартире, – и положил трубку.

Я начальник отделения по борьбе со шпионажем и контрабандой в Ташкенте. В моем распоряжении до пятидесяти секретных агентов, работающих повсюду, начиная с иностранных консульств и кончая гостиницами и базарами. Я говорил по телефону из своего кабинета, комнаты № 14. Звонил мне секретный агент по кличке Доктор, дававший сведения о контрабандистах. Это очень пронырливый человек из бывших торговцев. Раньше, вероятно, сам занимался контрабандой, а потом нашел более выгодным выдавать вчерашних своих коллег. Он даром не любит меня тревожить. Его сведения всегда наводят на верное дело.

Я запер бумаги в несгораемый шкаф, сунул в карман револьвер, лежавший на столе, и вышел из кабинета.

В гостинице «Касым», на Ура-Тюбинской улице, один из номеров занят неизвестным лицом. Это одна из моих конспиративных квартир. При входе в номер со стула поднялся мне навстречу выше среднего роста пожилой человек с брюшком. Тупые черты лица оживляли хитрые карие глаза. Большой загнутый нос придавал лицу хищный вид. Это – Доктор, прозванный мною этой кличкой, ибо он прекрасно разбирался в качестве контрабандных химических продуктов.

– Что у вас нового? – спросил я, усаживаясь.

– Маленькое дело, товарищ Агабеков, – сказал он, улыбаясь. – Я уже давно слежу за группой лиц, торгующих опиумом и сантонином, и вот сегодня я выяснил, что продавцом этих товаров является одна женщина по фамилии Н.

– Вы знаете ее адрес? – коротко спросил я.

– Да, я уже успел с ней познакомиться и побывал на ее квартире. Сейчас она имеет в наличии два пуда опиума и десять сантонина. Я обещал сегодня же привести к ней покупателя на эти товары. Так что дело верное.

– Так что же вы предполагаете делать? – спросил я.

– Я думал, не будет ли лучше, если вы пойдете со мной к ней под видом покупателя. Тогда вы сами убедитесь в наличии товара, – предложил Доктор.

Я, обдумав предложение Доктора, согласился.

– Тогда пойдем сейчас же, – сказал он и, выходя из комнаты, добавил: – Только, товарищ Агабеков, не забудьте мою долю после ликвидации дела. Вы знаете, что у меня семья и сто пятьдесят рублей жалованья хватает с трудом.

– Не беспокойтесь, – прервал я его жалобы, – вы получите третью часть казенной стоимости захваченной контрабанды. Вам это полагается по закону.

Дойдя до небольшого домика, мы постучались в калитку. Вышла средних лет блондинка с утомленным и озабоченным лицом. Видно, она вышла из кухни, не успев снять передника. Доктор любезно поздоровался и представил меня. Она беспокойно посмотрела на меня и, видимо не найдя ничего подозрительного в моем виде, предложила войти.

– Посидите в комнате, я сейчас, – сказала она, направляясь на кухню. Через минутку она вернулась к нам уже без передника и села.

Торг наш был очень короткий. Она вытащила из-за стенного зеркала кусок опиума и порошок сантонина и передала нам как образец товара. Мы попробовали товар, нашли его подходящим и быстро пришли к соглашению в цене.

– Извиняюсь, мадам, я не знал, что мне сегодня придется купить такую большую партию товара, и не взял с собой достаточно денег. Если вам не трудно, я бы предложил вам пойти на мою квартиру, где вручу вам деньги, – предложил я.

– Хорошо, я только оденусь, – согласилась она и ушла в другую комнату.

– Итак, Доктор, когда мы выйдем из дома, вы покинете нас под благовидным предлогом. Ее же я возьму к себе, – прошептал я своему осведомителю. – Вечером придете на конспиративную квартиру, я вам принесу деньги за работу.

– Спасибо, – ответил он. – Кстати, у меня есть еще одно дельце. Может быть, к вечеру я сумею кое-что выяснить и передать вам.

Мы шли по улице с женщиной одни. Несмотря на жару, она оделась в темное осеннее пальто, в котором ей, очевидно, жарко. Я вел ее по направлению к нашему зданию.

– Слушайте, гражданин, далеко еще до вашей квартиры? – спросила она после десятиминутной ходьбы.

– Нет, осталось всего два квартала, – успокаивающе ответил я. Мы завернули за угол, и вдали показалось наше огромное четырехэтажное здание.

– Ах, я что-то неважно себя чувствую, очень жарко, – беспокойно сказала моя спутница, распахивая пальто.

Мы все ближе подходили к комендатуре.

– Ах, слушайте, – опять сказала она, – где же ваша квартира? Я что-то беспокоюсь, мне страшно почему-то.

Женщина, видимо, чувствовала что-то неладное.

– Что вы боитесь, мадам, – успокаивал я ее. – Вот сейчас мы придем ко мне, получите деньги, и все будет кончено.

Осталось несколько шагов до комендатуры.

– Ох! Я больше не могу идти. Я не хочу идти дальше. Мне страшно. Слушайте, это же ОГПУ! – выговорила она, уже

чуть не плача. В глазах ее виден испуг и ужас.

– Не бойтесь! Разрешите вас поддержать! – Я взял ее под руку и повел в комендатуру. Она покорно шла.

Длинная комната. Стоят три стола, отделенных деревянным барьером от посетителей. За первым столом сидит дежурный комендант. Темно-синяя фуражка с красным околышем, защитного цвета гимнастерка, неизменный револьвер на ремне через плечо. Темно-синие жандармские брюки заправлены в сапоги. У дверей стоит красноармеец с винтовкой.

– Товарищ дежурный, отправьте эту женщину под конвоем ко мне наверх, – обратился я к коменданту.

– Слушаю, товарищ Агабеков!

Я вышел из комендатуры. Уже в дверях я слышал грубый голос дежурного:

– Ваша фамилия, гражданка? – это он заполнял для нее пропуск в здание.

– Итак, гражданка, вам, я полагаю, запираться уже нечего. Скажите, где у вас спрятан товар и кто вам его доставляет? – спросил я.

Женщина сидела на стуле предо мной с бледным лицом, но она уже несколько пришла в себя и, видимо, приняла какое-то решение.

– У меня нет никакого товара, – ответила она.

– Как нет товара? А что же вы мне собирались прода-

вать? – спросил я.

– Я только была посредником у другого человека. Если я продала бы товар, то взяла бы у хозяина. А у меня самой товара нет. Можете обыскать мою квартиру, – с жаром проговорила она.

– Ну, мы это сделаем без вашего предложения, а пока в таком случае скажите, у кого же вы должны были взять товар? – задал я вопрос.

– Ну, а это – хоть расстреляйте меня на месте – не скажу. Ни за что не скажу! – уже истерично кричит она.

– Что же, придется вам посидеть в подвале, пока не скажете, – спокойно сказал я.

– Товарищ красноармеец, – обратился я к часовому, сопровождавшему женщину ко мне и ожидавшему у двери, – отведите гражданку обратно в комендатуру, и пусть ее посадят до моего распоряжения.

Красноармеец подошел к женщине. Она встала и направилась к двери; однако, не дойдя, она резко повернулась и, рыдая, говорит:

– Ах, не сажайте меня в подвал. У меня ребенок, что я буду делать? Господи, Господи! Я все скажу, только не сажайте.

– Так, я вас слушаю, – сказал я, приглашая занять место.

– У меня нет товара. Товар принадлежит Ахун-баю, кашгарскому купцу, который давал продавать мне на комиссию. Я бедная женщина, у меня ребенок. Нечем жить, – говорила она с трудом, сквозь рыдания.

– Скажите адрес Ахун-бая, – требовал я.

– Он живет на Урбе, – называет улицу. – Только, ради Бога, не сажайте меня в тюрьму.

– Хорошо, я должен проверить ваши показания, но я предупреждаю вас, что за контрабандную торговлю следует три года тюрьмы, и вы их получите, если сказали неправду. А если вы сказали правду, то мы посмотрим, что можно сделать для вас. Сейчас же вы посидите в комендатуре, пока я проверю ваши показания.

Через полчаса я, снабженный ордером на обыск и арест, подъехал к ее квартире. Калитка была не заперта. Пройдя двор, я вошел в коридор и увидел направо кухню. Стоя у шипящего примуса, худенькая девочка лет двенадцати, надев передник матери, что-то размешивала в кастрюле.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил я, подойдя к ней.

– Ольга, – ответила она, продолжая свое занятие.

– А что ты делаешь, Ольга? – спросил я.

– Мамы нет дома, и я смотрю за обедом, чтобы не пригорел, – ответила она.

– А где твоя мама? – опять задал я вопрос.

– Она ушла в город и придет к обеду. А ты можешь подождать ее, – предложила она, – она скоро придет.

Я смотрел на эту девочку, ожидавшую свою маму к обеду. Мысли роем неслись в голове. Глядя на ее русую головку, я думал: «А что она будет делать, если ее мама не придет к обеду ни сегодня, ни завтра, ни через год?» Я вспомнил, что

мне нужно сделать обыск. Но как? Как я мог делать обыск, раскидывать в комнатах вещи в присутствии этого ребенка, ожидавшего мать к обеду? Нет, ни за что!

– Нет, Ольга, я пойду, а ты смотри за обедом, – сказал я, гладя ее мягкие русые волосы.

И в первый раз за всю службу я не выполнил своего долга. Я ушел, не сделав нужного обыска.

Я остановился в одном из узких переулков Урбы у обитой жестью калитки и постучал. Через минуту за дверью послышались шаги, и калитка открылась. Передо мной стоял маленького роста смуглый кашгарец, на лице которого при виде меня выразилась жалкая улыбка.

– Вы гражданин Ахун-бай? – спросил я по-русски.

Он мотнул головой.

– Я сотрудник ОГПУ и имею ордер на производство у вас обыска, – сказал я, перешагнув порог.

– Пожалуйста, – ответил он и начал беспомощно суетиться передо мной. – Только я вас прошу, пожалуйста, делайте все потихоньку, чтобы моя жена не слышала. Она лежит больная.

– А что с ней? – спросил я.

– Она вчера родила мальчика, – ответил он, и на минутку на его лице показалась счастливая улыбка.

Я ему не поверил. Наверно, это трюк, чтобы получше запрятать контрабанду. Я пошел вперед и открыл первую дверь. Полутемная комната. Прямо на полу постелена по-

стель, в которой лежит еще молодая женщина с бледным больным лицом. Рядом с ней что-то копошится и издает писк. С другой стороны сидит другой ее ребенок, мальчик лет четырех. Он смотрит на меня своими черными большими глазами, держа палец во рту. Я выскочил из комнаты и закрыл за собой осторожно дверь.

– Слушай, Ахун-бай… – обратился я к кашгарцу, и мы с ним говорили целый час.

В своем кабинете за письменным столом сидел начальник секретно-оперативной части Моисей Борисович Гордон. Несмотря на свои сравнительно молодые годы, он уже до того разжирел, что едва помещается за столом. Его толстое рыхлое лицо и шевелюра сильно напоминают Зиновьева, и он, зная это, старается подражать председателю Коминтерна. Я сидел напротив и докладывал о работе моего отдела.

– Слушай, Агабеков, у тебя происходит что-то странное. Ты сегодня кого-то арестовывал, куда-то ездил с обыском – и в результате ничего. В чем дело? – спросил он.

– Да, я задержал двух контрабандистов, но после допроса решил отпустить, – ответил я.

– Почему? – опять задал он вопрос, подозрительно глядя на меня.

– Потому что оба они оказались лишь посредниками и у них не было обнаружено никакого товара. Кроме того, я долго говорил с задержанным кашгарцем и в результате завер-

бовал его. Он обещал в течение месяца поймать для нас минимум сорок пудов контрабанды. Наконец, я думаю, что он нам пригодится и для разработки кашгарского шпионажа у нас. Исходя из этих соображений, я решил, что нам полезнее иметь сорок пудов опиума и плюс агента, чем лишнего арестованного в подвале, – ответил я.

– Да, но по закону ты не имел права освобождать их, раз налицо совершенное против государства преступление, – уже нервничая, говорил Гордон.

– Товарищ Гордон, может быть, с точки зрения законов вы и правы. Но я смотрю на дело иначе. Основной революционный закон – это закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия. Сейчас нам нужна валюта, и я уверен, что мы получим больше пользы от кашгарца, который нам будет помогать ловить контрабанду, чем от кашгарца под замком. Впрочем, если вы находите в моих действиях состав преступления, то можете привлечь меня к ответственности. Я же обращусь в комитет партии, – угрожающе добавил я.

Я знал, что Гордон боится партийного комитета, ибо у него много грязных поступков, мне известных. Кроме того, ведь я был секретарем бюро ячеек ОГПУ и членом партийного комитета. Он побоится поднять дело против меня.

– Ну, ладно, дай Бог, чтобы ты оказался прав, – сказал он, вздыхая, уже примирительным тоном.

Я оказался прав. Благодаря кашгарцу мы обнаружили не сорок, а сотню пудов контрабанды. Он же оказался полезным и в политических делах. Интуиция и на этот раз меня не обманула.

Работа в партаппарате

В августе 1923 года моя разведывательная работа кончилась. На очередных партийных перевыборах меня избрали секретарем ячеек войск органов ОГПУ в Средней Азии и членом комитета партии в Ташкенте.

Я вступил на новое поприще партийной работы. Описывать ее не буду; она заключалась в получении директив из вышестоящих партийных органов и проведении их в жизнь. Остановлюсь только на партийной дискуссии 1923 года между Центральным Комитетом и Троцким. По этому случаю из Москвы приехал специально Межлаук, ныне работающий в Высшем совете народного хозяйства, и, собрав весь партийный актив района, или аппарат, как его называл Троцкий, дал нам соответствующую линию поведения. Однако, несмотря на мои и всего начальства ОГПУ старания, несмотря на суровую дисциплину в органах и войсках ОГПУ, все-таки при голосовании 45 процентов партийцев оказались на стороне Троцкого, и то только потому, что счетчики голосов были наши. Как потом выяснилось, в центральном ОГПУ в Москве также большинство сотрудников стояло за Троцкого, и дело дошло до того, что собрание пришлось прервать на сутки, а на следующий день вызвать из Ленинграда Зиновьева, который в четырехчасовой речи наконец убедил сотрудников голосовать за Центральный Комитет партии.

О том, насколько советские государственные органы зависимы от партии, показывает также следующий случай. Предстоял большой показательный процесс в Верховном суде Туркестана.

В один из дней по вызову заведующего орготделом я явился в областной комитет партии. Постучавшись, вошел к нему в кабинет. Небольшая, хорошо обставленная, но грязная комната. Пыль на креслах, на столе. У одной стены стоит большой книжный шкаф, набитый книгами, газетами, брошюрами. В углу на древках стоят несколько свернутых знамен, покрытых пылью. Несколько полотнищ с разными лозунгами прибиты к стене. За столом сидит заведующий орготделом Галустян с выделяющейся большой стриженой черной головой. Он просматривал и подписывал какие-то бумажки.

– А, товарищ Агабеков, садитесь. У меня для вас важное поручение, – проговорил он, торопливо делая пометки на бумаге и отодвигая от себя все папки в сторону.

Взяв одну из лежащих на столе папирос, я закурил и сел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.